

АЛЕКСЕЙ АРЖАНОВ ВИКТОР МОЛОТОВ

ТОМ 6

ДРУИДА

ВНЕ ВРЕМЕНИ

Дубровский

Виктор Молотов

Друид. Том 6. Вне времени

«Автор»

«Автор»

2026

Молотов В.

Друид. Том 6. Вне времени / В. Молотов — «Автор», «Автор», 2026 — (Дубровский)

Тридцать лет я вырубал деревья и сколотил на этом целое состояние. А потом одно из них упало мне на голову. Очнулся после смерти в теле молодого дворянина в Российской Империи, где магия — это реальность. И теперь я друид. Последний в своём роду. На меня повесили большой долг. По соседству живёт граф, который спит и видит, как бы забрать мои земли. С другой стороны — Поволжская аномалия, которая обращает моих зверей в чудовищ. Что ж, я не первый раз начинаю с нуля. Насчёт бизнеса в лесу уже есть идеи, а вот с аномалией придётся повозиться! Ведь, чтобы выжить, я должен защищать сто пятьдесят гектаров леса, который чувствую как собственное тело.

© Молотов В., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	31

Виктор Молотов, Алексей Аржанов

Друид. Том 6. Вне времени

Глава 1

Норов прошёл в залу так, будто бывал у меня сто раз. Поклонился дамам, обронил пару слов оценщику, принял от слуги бокал и даже не пригубил. Двигался он мягко, неспешно. Весь вид его говорил, что человек пришёл на праздник, а не на войну.

Вот только меня этим не обманешь.

Я стоял у дальней стены и не сводил с гостя глаз. Сорока шагов между нами хватило бы, чтобы достать его лесом, корнями, чем угодно. Только нельзя. Не здесь и не при всей губернии.

А вопросов к этому человеку у меня накопилось предостаточно.

Начну с записки. “Ты за всё ответишь”, три слова на дорогой бумаге, ни подписи, ни печати. Я тогда счёл её пустой угрозой обиженного дурака. Только дурак не станет потом слать ко мне больных с подсаженной дрянью и травить мой родник. Записка пришла первой, и пришла неспроста.

Дальше эти двое. Гордей с занозой в нутре и Гольцов с чужой волей в глазах. Лечил я обоих своими руками, возился, тратил силу. А выходит, через одного он изучал моё ремесло, через другого – мои коридоры и палаты. Осматривал мой дом чужими глазами и ждал.

И самое странное: к чему было отправлять лазутчика травить воду, а после, не таясь, заявиться ко мне самому? Будь я на его месте, после такой пакости сидел бы тихо и носа не казал. А этот принял приглашение, надел лучший сюртук и пришёл пить моё вино.

Как только я сосредоточился на холодном расчёте, мне удалось взглянуть на происходящее с иной стороны.

Стоило осмотреть все его выходки разом, и они сложились в один узор. Никакой глупости тут не было. Каждый укол он наносил чужой рукой, через подставных, и сам оставался чист. Ни безымянная записка, ни беспаятные больные, ни стигнувший за межой лазутчик не выводили на самого Норова.

А раз улик нет, то и страшиться ему нечего. Оттого он и стоит здесь, под моими свечами, спокойный, как сытый кот. На людях я ему не опасен. Силу свою на глазах у губернии я показывать не стану, иначе сам пойду под суд. А суды мне уже, если честно, надоели.

Что ж... Хитро. Очень хитро.

Вот только весь план я из его выходок так и не вычленил. Почему он пришёл ко мне именно сейчас? Почему так открыто? Чего он добивается на самом деле? Догадки у меня имелись, да только к делу их не пришьёшь.

Значит, надо спросить. У него самого, с глазу на глаз, там, где он не сумеет ни соврать безнаказанно, ни обернуть мои слова против меня.

Я решил пройтись по залу. Не стоит спешить, с Норовым я ещё поболтаю.

Народ гудел. За две недели, что лес выправлял мой дом изнутри, Сухомлин превратил старую трапезную в настоящий торговый чертог.

Торги шли вовсю. Оценщик нараспев объявил кавказскую шашку в серебре, и барон Куликовский тут же стал походить на гончую, готовую к броску.

Цену он погнал вверх сразу, по-хозяйски, но наткнулся на упрямого соседа, отставного гусара. Двое немолодых господ принялись набавлять друг другу назло, всё азартнее, пока шашка, которой красная цена была сотня, не ушла за полтысячи. Куликовский победил, прижал попку к груди и обвёл зал торжествующим взглядом, а проигравший гусар сделался цвета хорошей свёклы.

Я шёл вдоль стены, кивал знакомым, ронял по слову то одному, то другому. Хозяину положено быть на виду, и сегодня эта роль мне даже на руку. Чем больше глаз на мне, тем меньше их на Норове.

У витрины с книгами застрял Яролов. Он навис над раскрытым томом в коже, шевелил губами и так вцепился в края конторки, что оценщик опасливо отодвинул свечу подальше от драгоценных страниц.

Нефёдов сидел в первом ряду, потирал ладони и набавлял за всё подряд с таким азартом, что Сухомлин, паривший рядом, едва поспевал подливать ему вина да подсовывать каталог. Коллекционер уже взял два перстня и бронзовое зеркальце, и видно было, что остановится он нескоро.

Сухомлин поймал мой взгляд и расцвёл, приняв общий шум за высшую похвалу своему таланту. Я ответил коротким кивком. Вечер и впрямь удался, гости при деньгах и в духе, ссоры пока не злее обычного.

Только мне было не до торговли.

Норов ходил по зале от витрины к витрине, ни к чему всерьёз не прицеляясь. Лоты он разглядывал так, будто все они давно ему наскучили, и время от времени поглядывал в мою сторону. Ждал. Он знал, зачем пришёл, и знал, что и мне это известно.

Что ж, не будем тянуть.

Прежде чем подойти, я всё обдумал. Говорить с таким посреди залы нельзя, тут у каждого уши и язык. Нужно место, где нет лишних свидетелей, которых он после проверёт или подкупит, и где хозяин земли я, а не он. Такое место у меня было. Мой кабинет на втором этаже. Оттуда мне и лесом, и стенами дома управлять просто.

Я позвал Грача и вполголоса отдал распоряжения.

– Встать у двери снаружи, никого не впускать и не подслушивать. Если позову, войти разом, ни о чём не спрашивая.

Степана отрядил приглядеть, чтобы к кабинету до нас никто не совался. Я не собирался дать Норову ни малейшего повода развести потом руками и пожаловаться, будто его заманили да обидели.

А ещё в этом кабинете я мог кое-что, чего не мог нигде на людях. Слушать. Через Круг Тишины в толпе я читал чужие сердца плохо, зато наедине чужая ложь от меня бы не укрылась.

Я подошёл к Норову, и он обернулся первым, ещё прежде, чем я заговорил.

– Севастьян Лаврентьевич, – сказал я спокойно. – Вы проделали неблизкий путь, чтобы поглядеть на чужие безделушки. Уделите мне четверть часа? Есть у меня вещь, которую при всех не показывают. Думаю, вам будет любопытно.

Губы его тронула вежливая улыбка, и в глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

– С превеликим удовольствием, барон, – отозвался он. Выговор у него был чистый, и всё же слышалась в нём едва уловимая чужая нотка. – Я ведь, признаться, ради этого и ехал.

В кабинете было тихо, шум аукциона туда не доносился.

Я прикрыл дверь, и снаружи её заслонил собою Грач. Свечу я зажёл от лампы и поставил между нами на стол, затем сел напротив.

Норов опустил ногу в кресло свободно, закинув ногу на ногу. Я потянулся к нему чутьём, осторожно. Сердце его читалось мутно, через ту же завесу, что и у лазутчика. Прятаться этот человек умел. Зато здесь, на моей земле, грубой лжи он бы себе не позволил, иначе я уловил бы фальшь, и он, похоже, понимал это не хуже меня.

– Спрашивайте, барон, – заговорил он первым, скрестив пальцы. – Вы привели меня сюда не диковинку показывать. У вас вопросы, у меня время. Раз уж мы оба так старались устроить эту встречу, грех тратить её на околичности.

Что ж, прямо так прямо.

– Записка, – начал я. – “Ты за всё ответишь”. К чему она была? Грозить, ничего не назвав и не потребовав, дело пустое.

– Пустое? – он чуть склонил голову. – Напротив, барон. Лист бумаги не стоит ничего и не доказывает ничего. Зато человек, получив такое, весь раскрывается. Один бежит к покровителю, другой нанимает охрану и трясётся, третий лезет в драку. А вы принялись холодно искать. Этим вы немало мне о себе сказали, а я не потратил ничего, кроме чернил.

Я слушал и не перебивал. Каждое его слово ложилось ровно в тот узор, что я сложил внизу, в зале.

– Лукич, Гольцов, – продолжил я. – Их-то за что?

– Эти люди, барон, оказались ещё полезнее, чем моя бумажка с угрозой, – Норов развёл руками, словно извиняясь за неловкость. – Через одного я смотрел, как вы управляетесь с нашим... материалом. Через другого глядел за вашими коридорами. Ни тот, ни другой не ведали, кому служат. Спросите их теперь, кто на них так повлиял. И они опишут вам разных людей, если вовсе вспомнят, но ни один не опишет меня. Так оно и задумано.

– А родник? – голос мой стал жёстче. – Отравлять воду в лечебнице, где лежат больные. К чему это? Этим вы могли убить людей.

– Мог, – согласился он без тени смущения. – Но мне важнее было иное. Я хотел знать, можно ли вообще дотянуться до вашего родника. До той самой воды, которой вы людей и поднимаете на ноги. Вы ответили мне лучше всякого слова, барон. Вычистили его и не дали ни капли уйти. Удался бы замысел моего человека или нет, дело десятое.

Вот теперь сложилось всё. Никакая это не порча и не месть. Меня прощупывали. Вопрос только в том – зачем.

– И вы пришли сами, – медленно проговорил я. – После всего, что было сделано, вы открыто явились в мой дом.

– А что мне грозит? – он улыбнулся почти искренне. – Доказательств против меня нет ни единого. Здесь, при ваших гостях, вы и пальцем меня не тронете, иначе сами всё потеряете. Я рассудил так же, как и вы, барон. Что лучшего места для знакомства не сыскать. Вы хотели разглядеть меня, я вас. Вот мы и сидим друг против друга.

Спокоен, доволен собой, уверен в своей безнаказанности до самого конца. В этой уверенности и крылась его единственная слабость.

– Складно говорите, Севастьян Лаврентьевич, – сказал я наконец. – И верно говорите. На людях я вас не трону. Доносов на меня вы заготовили, поди, на десять лет вперёд.

– Рад, что мы понимаем друг друга.

– Понимаем, – хмыкнул я. – Только вы кое-что упустили. Доносы и доказательства хороши там, в зале. А здесь не зала. Здесь мой кабинет, на моей земле, и за дверью стоит мой человек, который войдёт, лишь когда я позову. Свидетелей нет. А лес мой, Севастьян Лаврентьевич, с радостью отомстит вам за все эти ухищрения. Захоти я – и от вас не сыщут ни косточки, ни пуговицы.

Улыбка с его лица не сошла, но в глазах что-то дрогнуло. Сердце его, до того ровное, застучало чаще. Об этом мне сообщила моя же магия.

– Я не убийца и понапрасну крови не лью, – продолжил я. – Но всякий раз, как надумаете прислать ко мне очередного отравленного гонца или сунуться к моей воде, вспоминайте этот кабинет. И прикидывайте, стоит ли оно того.

Норов помолчал, разглядывая меня по-новому, будто переоценивал лот, который сперва записал в дешёвку.

– А вы и впрямь любопытный экземпляр, барон, – проговорил он. – Понимаете теперь, отчего я приехал лично? Таких, как вы, мы не торопимся ломать. Мы вообще никуда не торопимся. Людей в нашей команде немного, но вы зря нас недооцениваете. Тот, кого вы одолели в лесу, был из наших. Только грубой выучки.

Речь явно шла о Тенелисте.

Пока он говорил, не заметил, как от стула отделилась небольшая веточка – один из фамильяров Ярины. Он осторожно забрался к нему в карман и скрылся там. Теперь Норов уйдет из этого дома вместе с моим шпионом.

– Он топор, а я игла, – продолжил Норов. – Всё наше ремесло в одном: брать чужую жизнь и латать ею свою. Оттого он и старился быстрее, чем чинил себя, и прятал лицо. А вы, барон, чужого не берёте. Вы живое растите, лечите, поднимаете мёртвое. Так не умеет никто из нас. Оттого над топором и над иглой есть рука, что нас держит. И этой руке вы любопытнее всех.

Больше он не обронил о своих ни слова. Поднялся, одёрнул сюртук и снова сделался светским гостем, которому пора к шампанскому.

– Благодарю за беседу и за гостеприимство, – он склонил голову. – Вечер чудесный, барон. И, право, не зря я приехал. Кое-что я тут уже приобрёл.

Он улыбнулся напоследок чему-то своему и вышел, мягко прикрыв за собою дверь.

Я ещё с минуту сидел над оплывающей свечой.

Первым делом меня кольнуло желание подняться и пойти за ним следом. Поглядеть, к кому он подойдёт в зале, что возьмёт, с кем перемолвится у выхода. Я даже привстал, но тут же опустил обратно.

Толку с такой слежки было бы немного. Человек, что годами ходит за чужими спинами и сам остаётся тенью, мою опеку раскусит в один взгляд. Тронуть его на людях я всё равно не мог. Чем бы он там ни разжился на торгах, оно никуда не денется, и книга лотов всё запишет честь по чести. Догоню уликами, не сапогами.

Так я себя и урезонил. Поднялся, задул свечу и вышел в коридор, всё ещё перебирая в уме его слова про топор, иглу и руку наверху.

Закончить эту мысль мне не дали.

Из кабинета я вышел в самую сумятицу.

В дальнем конце залы, у помоста, сгрудились гости. Над их головами плыл сердитый гул, какой бывает перед хорошей ссорой. Норова я нигде не приметил. Видно, ушёл.

Я двинулся к помосту. По дороге Круг Тишины сам собой подобрал настроение залы, и среди десятков сердец одно билось уж очень спокойно для общего переполоха.

Слишком ровно для человека, у которого на глазах начинается ссора. Что ж, к нему я подойду позже.

Кажется, пока я болтал с Норовым, кто-то решил провернуть тут свои личные интриги.

На помосте стоял незнакомый мне господин, плотный, с багровым лицом и бакенбардами в седине. Перед ним лежала раскрытая шкатулка, а в ней на бархате отливало серебром оклад старого образа.

– Подделка! – прокричал господин, тыча пальцем в шкатулку. – Я двадцать лет такие оклады собираю и подлог чую за версту. Обманываете вы нас! Чернение новое, ему от силы год. За старину тут просят, а подсовывают вчерашнюю поделку!

Оценщик из Волгина побледнел. Для него такое обвинение хуже пощёчины, оно било по чести его ремесла, а заодно и по чести моего дома.

– Господин Брюханов, – выговорил он, – клеймо подлинное, я голову готов прозакладывать...

– Голову? – Брюханов побагровел ещё гуще. – Да у вас тут полрынка таких голов, и все об заклад бьются!

В зале зашептались. Кто-то уже косился на свои покупки, прикидывая, не всучили ли поддельного и ему. Ещё немного, и весь вечер пойдёт прахом, а молва разнесёт по губернии, что у барона Дубровского торгуют гнилью.

Допустить этого я не мог.

– Господа, – я поднялся на помост и встал между оценщиком и спорщиком. – В моём доме гостя не обманывают, на то моё слово. Но и честного оценщика чернить при всех не дам, пока спор не решён по уму.

Брюханов набычился, готовый спорить и со мной, да я не дал ему вставить слова.

– Поступим так. Вещь отложим. Завтра при свете дня её осмотрят оценщик и двое из вас, кого выберете сами, хоть барон Куликовский, хоть барон Яролов. Решат, что подлинная – господин Брюханов забирает её по своей цене и приносит оценщику извинения. Решат, что подделка – я возвращаю деньги всем, кто сегодня усомнился в своей покупке, и сам разбираюсь, откуда взялась гниль. По рукам?

Брюханов напрягся. Деваться ему было некуда. Откажись он от честного осмотра, и выйдет, что брехал для красного словца. Согласись, и склока обратится в честный разбор.

– По рукам, – буркнул он наконец.

Зала выдохнула, и я спустился с помоста. Опасный миг прошёл, гости вернулись к вину и разговорам, оценщик с благодарностью кивнул мне.

Но я не забыл то, что почувствовал. Во время ссоры присутствовал рядом кто-то со спокойным умом и ровным сердцем. И я уже догадался, кто это.

Через Круг я отыскал его снова и пошёл на этот спокойный, довольный стук. Привёл он меня в боковой закуток у окна, где, отвернувшись от залы, стоял Нефёдов. Коллекционер прятал что-то во внутренний карман сюртука и был при этом до того доволен собой, что аж весь заблестел.

– Николай Семёнович, – сказал я. – А ведь это вы Брюханова раззадорили.

Нефёдов и не подумал отпираться. Обернулся, блеснул хитро и приложил палец к губам.

– Тише, барон, тише, – шепнул он почти весело. – Ну уж старому другу простите такое? Брюханов дурак известный, его и заводить не надо, довольно шепнуть, что оклад поддельный. А пока все на него глазели да за кошельки хватались, я у вашего Сухомлина без всякого торга купил одну вещицу. Иначе её на круг пустили бы, и сцепился бы я за неё с тремя такими же стервятниками, как сам. А так – тихо, мирно, моя.

Он похлопал себя по карману. Злого умысла в нём не было ни на грош, одна страсть коллекционера и купеческая смекалка.

– Не выдавайте, – подмигнул он. – А оклад тот, кстати, подлинный, я его сам глядел. Завтра ваш человек это подтвердит, и Брюханов сядет в лужу. Поделом.

Я не сдержал усмешки. Сердиться на этого пройдоху не выходило. Вечер он мне едва не испортил, но и порадовал тоже, своей хитростью.

– Ладно, Николай Семёнович. На сей раз прощаю. Но впредь свои сделки обдeldывайте без пожара в моей зале.

– Уговор, – расцвёл он.

И вот тут, отойдя от коллекционера, я наконец вспомнил, ради чего вообще шёл к помосту.

Норов. Я хотел узнать, что он успел купить.

Книга лотов лежала на конторке у оценщика. Я подозвал Сухомлина и попросил поднять записи. Распорядитель мой ещё не остыл от хлопот, раскраснелся, глаза горели.

– Сей момент, барин, сей момент, – зачастил он, листая страницы. – Ох и вечер вышел, я вам потом всё распишу! Много чего ушло, и любопытного много. Иной лот по три цены взяли, иной задаром... Полный отчёт завтра подам, дайте только сесть да сосчитать.

– Завтра так завтра, – согласился я. – А сейчас одно скажи. Господин Норов. Что он брал?

Сухомлин повёл пальцем по строчкам и поднял брови.

– А всего одну вещицу, барин. Вот, рукой записано, – он развернул книгу ко мне. – Тот самый старый нож. Охотничий, дедушки вашего покойного. Что вы сами велели на торги выставить.

Я взял книгу и перечитал строку сам.

Всё верно. Дедов охотничий нож. Ржавый, со щербатым лезвием и разошедшейся рукоятью, из тех, что пылились у меня в чулане никому не нужные. Я выставил его не глядя, заодно со всяким хламом. Держать дома охотничье оружие мне было незачем, в моём лесу зверя не бьют. Любой из гостей купил бы такой нож разве смеха ради.

А купил его Норов. Человек, который попусту ничего не делает и за пустяк не платит. Игла, как он сам себя назвал.

Зачем игле ржавая, негодная железка?

Ответа у меня не было. Я закрыл книгу и отдал её Сухомлину.

Гости между тем понемногу разъезжались. У крыльца застучали колёса, заржали лошади, дамы кутались в шали и щебетали на прощание. Вечер догорал, и в опустевшей зале сделалось тихо и просторно.

Я опустилсЯ в кресло у затухающего камина.

Подтянулись мои люди. Сухомлин притащил книгу и счёты, плюхнулся напротив и тут же принялся щёлкать костяшками, шевеля губами. Даже Нефёдов, уезжать не спешивший, подсел к нам с бокалом и завёл рассказ про какие-то перстни, которые он то ли купил, то ли проворонил пару лет назад.

За пазухой у меня завозился Пушок. Тёплый комок переполз ближе к груди, и в голове у меня зазвучал недовольный писклявый голос.

Сухомлин оторвался от счётов и поднял на меня сияющее лицо.

– Хорошо вышло, барин, ох хорошо, – выдохнул он. – Завтра всё до копейки сведу и подам. Будет чем гордиться, помяните моё слово.

Я кивнул и прикрыл глаза. Завтра так завтра. Передышку я заслужил.

Но вышла она короткой.

Следующий день пролетел быстро. Гости разъехались, дом отдыхал, и я занимался обычными делами, нет-нет да возвращаясь мыслями к ржавому ножу.

Шкатулку, как и было уговорено, осмотрели трое. И подделки не обнаружили. Моё имя осталось чистым, а Брюханов больше не возражал.

К вечеру, когда солнце уже сползало к верхушкам леса и тени во дворе вытянулись, у ворот застучали копыта.

Я узнал его прежде, чем разглядел. Горенков.

Он спрыгнул с седла прямо во дворе, не дожидаясь, пока подбегут конюхи. Уставший с дороги, он сам подгонял себя, чтобы поскорее передать послание. Глаза его горели так, что я понял сразу – он вернулся не с пустыми руками.

– Всеволод! – выдохнул он, шагая ко мне через двор. – Наконец-то. Я тебе телеграфировать побоялся остальное. Такое не доверишь проводам.

– Здравствуй, – я шагнул навстречу. – Отдышись сперва. С чего такая спешка?

– Какое там отдышись! – он схватил меня за рукав, понизил голос, и в этом полушёпоте дрожало не то торжество, не то страх. – Сева, я в Петербурге так глубоко копнул... И ещё по нескольким городам проехался. То ещё вышло путешествие... В общем. Я столько раскопал, что ты себе и представить не можешь. Понял я, что это за школа такая и чем они промышляют. Ох и влип же ты, друг...

Он перевёл дух, оглянулся на пустой двор и придвинулся ближе.

– Ладно, слушай, что я узнал...

Глава 2

То, что я влип, было очевидно ещё в тот момент, когда переместился в этот мир. Окончательно это стало понятно, пожалуй, когда на моих землях поселился Тенелист.

Да, изгнать его мне удалось, только шлейф от той истории тянется до сих пор. И вот оказалось, что он уже не один такой, что за его спиной стоит целая организация.

А новую ниточку в этом деле принёс мне Горенков, вернувшийся наконец из “командировки”.

– Сложно это было, Сева, – сказал Горенков. Причём произнёс он это таким тоном, словно намекал на премию. – Ох, сложно. Все свои записки и накопления пришлось отдать, чтобы нужным людям заплатить да информацию выискать. Не хотели они говорить, хоть режь. А если и говорили, то сведения, скажем так, выходили противоречивые.

Он осмотрелся по сторонам, будто у крыльца могли прятаться чужие уши. Двор стоял пустой, только Данила таскал воду к конюшне, но Мишку это, похоже, не успокоило.

– Пойдём лучше в дом, Сева. Разговор не для двора.

– Пойдём, – согласился я. – В кабинете и правда лучше будет.

Горенков промокнул платком взмокший лоб, подхватил саквояж, и мы прошли в кабинет, где из лишних ушей были только Пушок и призрак моего деда. Валерьян проявился у книжного шкафа ровно в тот момент, когда я прикрыл дверь, и с интересом уставился на гостя. Горенков деда не видел, поэтому спокойно уселся на стул, вытянул гудящие ноги и принялся рассказывать.

– Значит, так. Оленский показываться не спешил, работал через третьи руки. И он сразу мне сказал, что мастерство это запретное. Нехорошую энергию такие вещи копят, Сева. Берут они жизнь и превращают её в нечто иное. В Империи нашей подобным заниматься запрещено, да и во многих других странах тоже.

– Откуда пришло это мастерство? Из Европы? – спросил я.

– Кто говорит, из Австрийской Империи, – пожал плечами Горенков. – А кто говорит, вовсе с германских земель. Тут я единой правды не нашёл, сколько ни платил.

– Ладно, – хмыкнул я. – Дальше.

– А дальше вот что мне показалось самым важным, – сидевший на стуле Горенков подался вперёд и понизил голос. – Все до единого говорят о таинственной организации. О той, которая жизнь себе продлевает запретными способами. Такими, что человек в здравом уме их никогда не выберет, лучше в могилу ляжет. Вот это говорили все, слово в слово. А остальные сведения разнились. Никто не мог сказать ни откуда эта организация взялась, ни кто в ней состоит, ни как называется.

Он продолжал рассказывать, и сведения от каждого мастера и правда разнились. Иногда прямо в противоположную сторону. Вдруг Горенков осёкся, поднял палец и сделал многозначительное лицо.

– А хотя нет. Государь наш точно там не состоит, – усмехнулся Горенков, а затем разом посерьёзnel. – Это я уточнял у каждого.

Услышав это, я помотал головой и тоже невольно усмехнулся. Горенков был в своём репертуаре. Но с другой стороны, новости и правда выходили радостные. Если мне предстоит борьба с этой таинственной организацией, в которую входят и Тенелист, и Норов, то до государя эта война не дойдёт. И это само по себе большое облегчение, потому что свою Родину я люблю. Любил её и в прошлой жизни, и в этой люблю не меньше.

Хотя имелся тут и трезвый расчёт: маленький барон при всём желании не сможет противостоять тому, в чьих руках целая империя. А вот что есть за душой у “организации бессмертных” – это ещё только предстояло узнать.

– Бессмертные, значит... – скрипуче протянул Валерьян от шкафа. – В мои годы про таких тоже шептались. Дескать, живёт где-то в столицах публика, которой третья сотня лет пошла. Которая время у других забирает. Я тогда счёл это байками для салонных барышень. Выходит, зря считал.

Время... Услышав это, я замер. Ведь мне уже приходилось сталкиваться с человеком, который в уплату берёт не деньги, а время. И тогда мы договориться не смогли.

Нехороший звоночек...

Горенков тем временем выложил из саквояжа тощую пачку записей, перевязанную бечёвкой, и подвинул её ко мне. Почерк у него был кривой и торопливый, зато сами записи оказались толковыми: с кем говорил и что услышал, а рядом столбиком шли расходы.

– Это всё, что удалось собрать, – сказал он и виновато развёл руками. – Понимаю, что негусто. Но там, Сева, дальше копать страшно. Люди, которые про этот орден знают побольше, либо молчат намертво, либо заламывают такие деньги, что мне за них баронство твоё продать пришлось бы.

– Ты и так сделал больше, чем я рассчитывал, – честно ответил я. – Остальное уже моя забота.

После того как Горенков всё рассказал, я велел Степану накормить его от души. Мишка за ужином смёл две тарелки щей с половиной пирога и осоловел прямо за столом, так что вопрос с ночёвкой решился сам собой. Горенков остался в гостевой комнате, а поместье постепенно затихло.

Меня же за ужином не покидали мысли, и сон в этот вечер шёл ко мне неохотно.

Выходило, что все члены этой тайной организации продлевают себе жизнь нечестными способами, за счёт чужой жизненной энергии. От людей она берётся или от леса – значения, похоже, не имеет.

Но самое интересное, что эта организация теперь смотрит на меня. А чего она от меня хочет – оставалось только гадать.

Зато одно знал теперь совершенно твёрдо: сидеть и ждать, пока они сделают следующий ход, я не собирался. У меня на землях остались следы работы Тенелиста, и их следовало найти раньше, чем ими воспользуется кто-то другой.

Я поднялся из-за стола, накинул сюртук и вышел во двор. Ночь стояла тёплая, над лесом висела рыжеватая луна. Потянулся к лесу мыслью, и тот отозвался знакомым образом: тёмные кроны, среди которых мелькают быстрые тени моих егерей на обходе.

Через четверть часа все они собрались у крыльца для пересменки. Заодно я позвал Ярослава, который был в поместье. Он пришёл вместе с Тишью.

– Слушайте внимательно, – начал я, оглядев собравшихся. – Тайник, который мы нашли у гиблых земель, был у Тенелиста не единственным. Я в этом уверен. Он хозяйничал здесь слишком долго, чтобы сложить всё добро в одну яму.

– Откуда такая уверенность, хозяин? – спросил Ярослав.

– Из простой логики. Тенелист откладывал на чёрный день, а такой человек никогда не держит всё в одном месте.

В прошлой жизни я и сам так делал: часть средств держал в банках, а кое-что хранил дома в сейфе. Любой, кто хоть раз терял накопления, приходит к этому правилу быстро.

– Поэтому задача такая, – продолжил я. – Утром, как рассветёт, прочешете гиблые земли. Всю бывшую мёртвую полосу, овраги, старые корневища – всё, где земля до сих пор помнит его магию. Ищите схроны, ямы, полости под камнями. Лес вам в этом не помощник, и вы знаете почему. Запечатанную дрянь он не чувствует, пока её не вскроют. Так что рассчитывайте только на глаза и на чутьё. И на Тишь.

– Моё чутьё на его дрянь тоже острое, – кивнул Ярослав. – И Тишь землю слышит лучше любого из нас. Камни ей сами шепчут, где под ними пустота.

Тишь подняла клиновидную голову и коротко зашипела, будто подтверждая наши слова.

– Теперь главное, – я обвёл всех взглядом и выдержал паузу, чтобы дошло до каждого.

– Нашли тайник – запомнили место – выставили метку. Внутрь не лезть, печати не трогать, руками ничего не брать. К полудню возвращаетесь ко мне с докладом, а дальше я сам решу, что и как вскрывать. Всем ясно?

– Ясно, барин, – ответил за всех Грач.

– Тогда отдыхайте. Выход на рассвете.

Егеря растворились в темноте. Ярослав задержался на секунду, положил ладонь на голову Тишь, а затем оба скользнули к восточной опушке.

Я постоял ещё немного, слушая ночной лес, а потом вернулся в дом, потому что завтрашний день обещал выдаться длинным и хлопотным.

Утром поисковый отряд ушёл ещё до того, как солнце оторвалось от горизонта. Я проводил их взглядом с крыльца и отправился завтракать, прихватив из кабинета шкатулку с деньгами под расчёт. Горенков заслужил свою премию сполна, и тянуть с этим я не собирался.

Мишка уже сидел за столом, выпавшийся и повеселевший. Степан поставил перед ним кашу с маслом, и Горенков уплетал её с таким видом, словно неделю не ел. Впрочем, зная столичные цены и его опустевшие карманы, я допускал, что так оно и было.

Тем более я ещё вчера заметил, что Мишка больно бледный и исхудавший. Думал, что с дороги такой эффект. Но и сейчас это никуда не делось, словно и правда почти не ел. Странно...

– Держи, – я отсчитал купюры и положил стопку рядом с его тарелкой. – Возмещение убытков и премия.

Горенков перевёл взгляд с денег на меня, потянулся к стопке, но руку на полпути опустил. Пальцы его застыли над деньгами, а на лице проступила такая мучительная работа мысли, что я невольно насторожился. Обычно Мишка деньги брал раньше, чем их успевали до конца отсчитать.

– Ты чего мнёшься? – спросил я. – Мало, что ли?

– Что ты, Сева, щедро! – он заёрзал на стуле и принялся сосредоточенно водить ложкой по тарелке. – Просто я тут... В общем, дело у меня к тебе. Деликатное.

– Выкладывай.

Он помедлил. Сглотнул. А потом всё же решился!

– Жениться я решил, – выпалил Горенков и покраснел до самых ушей.

От такой новости я даже отставил чашку в сторону. Степан у буфета замер с полотенцем в руках, и даже посуда на его подносе, кажется, перестала звенеть.

– Так, – сказал я. – Подробнее...

– Влюбился я, Сева. По уши! – Мишка прижал ладонь к груди, и голос его сразу потеплел. – Дама хорошая, из приличной семьи, вдова чиновника. Умная, хозяйственная, а уж красивая какая! И тут в столице я понял окончательно: без неё мне жизнь не мила. Сделал предложение, и она согласилась. Представляешь? Согласилась!

– Поздравляю от всей души, – искренне сказал я. – Только я всё ещё не понимаю, при чём тут твоё мятьё над премией.

Горенков тяжело вздохнул и виновато опустил глаза.

– Свадьба, Сева, дело затратное. Кольца, платье невесте, стол. Я хотел спросить... Нельзя ли мне жалованье за несколько месяцев вперёд получить? Авансом. Я отработаю, ты меня знаешь, вдвое отработаю.

Вот теперь картина у меня в голове сложилась целиком. Он и премию брать стеснялся, потому что следом собирался просить ещё. Я мысленно усмехнулся: в моей прошлой жизни сотрудники перед такими разговорами точно так же возили ложками по тарелкам и прятали глаза.

– А теперь слушай встречное предложение, так ты сможешь и впечатление на невесту произвести. И сэкономить. И даже аванс просить не придётся. Свадьбу проведём здесь, в поместье.

Горенков аж поперхнулся и закашлялся в кулак.

– Здесь? Сева, да ты что? Это же расходы какие. Я не потяну!

– Тебе и не придётся тянуть. Столы, угощение, музыка – всё за мой счёт.

Откуда во мне вдруг разыгралась такая щедрость? Во-первых, Мишка много мне помогал, и хотелось отплатить ему той же монетой. Во-вторых, организовать всё у меня будет значительно дешевле, и платить вперёд даже не придётся. А в-третьих, все домашние несказанно будут рады погулять на свадьбе.

– Нет-нет, – Мишка замахал руками так, что едва не смёл со стола чашку. – Так не годится. Я и без того у тебя в долгу по самую макушку. Ты меня от голода спас, работу дал, а теперь ещё и свадьбу мне устраивать будешь? Совестно мне, Сева.

– А мне в радость, – отрезал я и ничуть не солгал. – Для своих людей мне ничего не жалко, и точка. Степан!

– Слушаю, барин, – слуга подошёл к столу, и по блеску в его глазах было видно, что разговор он слышал от первого до последнего слова. И что ему тоже не терпелось погулять на свадьбе.

– Позови Сухомлина. Скажи, у нас свадьба намечается.

Степан просиял и умчался с такой прытью, какой я от него давно не видел. Горенков ещё пытался что-то возражать, бормотал про совесть и про долги, но я его уже не слушал.

Через пару минут в столовую влетел Сухомлин. Судя по жилетке и карандашу за ухом, Степан выдернул его прямо из-за рабочего стола.

– Свадьба! – Владимир Кириллович выдохнул это слово так, как иные произносят слова молитвы. – Барон, это правда? Настоящая свадьба, здесь, на этих землях?

– Правда, – подтвердил я. – Женится Михаил Фёдорович.

Сухомлин развернулся к Горенкову, оглядел его с головы до ног, и в глазах распорядителя вспыхнул тот самый профессиональный азарт, от которого обычно страдал мой бюджет.

– Голубчик, поздравляю! – он схватил руку Мишки и с чувством потряс её. – Наконец-то достойное событие! Лечение, процедуры, тишина – всё это прекрасно, но душа моя просила праздника. Венчальную арку поставим у большого дуба. Тенты сливочные, я о них давно мечтал. Музыкантов выпишу из Волгина, лучших. А стол...

– Стол согласуете с Елизаветой Павловной, – вставил я. – И смету сначала мне на подпись.

– Смету, – Сухомлин страдальчески прикрыл глаза, но спорить не стал. – Хорошо, барон. Смету так смету. Но арка у дуба – это святое.

– Да не нужна мне арка, – слабо сопротивлялся Горенков. – Нам бы скромно, по-семейному.

– Скромно! – Сухомлин прижал ладони к груди с видом человека, которого ранили в самое сердце. – Михаил Фёдорович, голубчик, скромная свадьба – это как несолёный суп. Съесть можно, вспомнить нечего. Доверьтесь мне, и ваша супруга будет рассказывать об этом дне внукам.

На этом месте сопротивление Горенкова окончательно и рассыпалось. Они с Сухомлиным условились списаться о сроках, когда невеста назовёт день, и распорядитель унёсся к себе, на ходу бормоча что-то про лебедей для пруда, хотя у нас пруда и в помине не было. Я сделал мысленную пометку лебедей в смете вычеркнуть.

После завтрака Горенков засобирился обратно в город. Он упаковал саквояж, спрятал во внутренний карман деньги и вышел со мной на крыльцо, довольный и умиротворённый.

– Связь держи постоянно, – напутствовал я его. – Дело наше не закончено, сам понимаешь. Возможно, мне заклинатель понадобится, и тогда поедешь ты.

Горенков побледнел так резко, что я даже испугался, не стало ли ему дурно.

– Неужто ещё такие штуки будут? – тихо спросил он. – Сева, мне от той до сих пор кошмары снятся. Каждую вторую ночь просыпаюсь в холодном поту. А ещё вон, гляди...

Он стянул картуз, запустил пятерню в шевелюру, легонько потянул и продемонстрировал мне целый пучок волос. Волосы остались у него между пальцами без всякого усилия, словно у линяющего по весне зверя.

Увидев это, я едва сумел сдержать удивление. Лицо, надеюсь, осталось спокойным, а вот внутри у меня всё подобралось. В моём прошлом мире такое я видел только на фотографиях в статьях про лучевую болезнь. Выходит, запретная вещица, с которой Мишка возился по моему поручению, фонила не хуже треснувшего реактора, просто фон этот был не физического свойства.

– Давно это у тебя? – спросил я, силясь сохранять спокойствие.

– Так вот с тех пор, как ты мне артефакт запретный и всучил, – Горенков пожал плечами и натянул картуз обратно. – Сначала я думал, что от столичной воды, про неё слухи тоже разные ходят. Потом гляжу, не унимается. Сплю плохо, сны дрянные, волос лезет. Стариком себя чувствую, Сева, а мне ведь жениться!

– А у дамы твоей? – спросил я, стараясь, чтобы голос не выдал тревоги.

– У неё получше, – он даже слегка приосанился. – Я её близко не подпускал. К вещице этой, в смысле. А то молодость и красота бы пострадали ещё, я же понимаю.

Он сказал это просто, но по тому, как дрогнул его голос, было видно, что за девушку свою он переживал и боялся сильнее, чем за себя. Волосы у него, видите ли, лезут, кошмары снятся, а он первым делом невесту от заразы уберёт. За это я его ещё больше зауважал.

Мишка ведь и не собирался мне изначально говорить. Похоже, думает, что само пройдёт. А это самая частая ошибка, которая приводит к печальным последствиям. Поэтому...

– Так, – начал я. – В город ты в таком виде не поедешь.

– Сева, да брось ты, – Мишка попытался отмахнуться. – Мелочи это. Меня невеста ждёт! Я встал у него на пути.

– Миш, я серьёзно. Такие вещи сами не проходят, они только глубже вгрызаются. Сегодня волосы, завтра зубы, а послезавтра, не приведи случай, и мужская сила отняться может. Вот тогда и посмотрим, как тебе жениться.

Аргумент про мужскую силу попал точно в цель. Горенков открыл рот, закрыл его и обречённо махнул рукой.

– Уговорил. Веди, куда надо...

Разумеется, я повёл его напрямик в санаторий. Лиза встретила нас прямо на пороге лечебного корпуса. Вид у неё был воинственный: рукава закатаны по локоть, а брови сведены к переносице. В руке она сжимала склянку с тёмной жидкостью.

– Сева, как хорошо, что ты тут! – заявила она с порога вместо приветствия. – Григорий Мирославович отказывается микстуры принимать. Третий день подряд. Я ему объясняю, а он мне комплименты. Я ему про печень, а он мне про погоду. Сделай с ним что-нибудь, иначе за себя не ручаюсь!

– Разберусь, – пообещал я. – А ты пока займись Мишкой. Ему в лечебную купель надо, и срочно.

Я коротко описал ей, что творится с Мишкой. Лиза слушала, и складка между бровями становилась всё глубже.

– Ясно, – сказала она, когда я закончил. – Похоже на выедание жизненной силы, медленное. Купель такое вытянет. Михаил Фёдорович, за мной. И не вздумайте по дороге рассказывать мне, что вы совершенно здоровы, я эту песню слышу по десять раз на дню.

– Даже не собирался, – смиренно ответил Горенков и поплёлся за ней.

На этом мы с ней и разделились. Лиза с Мишкой ушли в сторону купален, а я направился в палату к старику из дворян, чтобы выяснить, чем ему не угодили наши микстуры.

Григорий Мирославович обнаружился в кресле у окна, в шёлковом халате и с газетой на коленях. Это был сухонький старик лет семидесяти, с аккуратной серебряной бородкой и живыми, совсем не стариковскими глазами. Палата у него была одна из лучших, с видом на сад, и утреннее солнце заливало её до самых углов.

– Григорий Мирославович, доброе утро, – я решил начать издалика. – Как вам у нас?

– О, барон собственной персоной! – старик отложил газету и расцвёл. Говорил он с заметным акцентом, мягко катая “р” на французский манер. – Всё прекрасно, решительно всё. Вечера здесь приятнейшие, воздух чистый, постель стелют гладко. Признаюсь, такой лёгкости в теле я не чувствовал с самой Ниццы! Шарман!

Выговор у него был вьёвшийся, такой за месяц не наиграешь. Я поймал себя на том, что прислушиваюсь к его акценту с подозрением, и мысленно себя одёрнул.

Французский язык в дворянских домах иной раз был популярнее родного, и удивляться тут нечему. Похоже, у меня уже началась паранойя из-за этого тайного заморского общества. Так недолго и в Степане шпиона заподозрить.

– Рад слышать, – кивнул я и подвинул себе стул. – А раз всё так прекрасно, объясните мне одну вещь: почему вы снадобья от целительницы не принимаете?

Старик слегка смутился, но быстро вернул на лицо светскую улыбку.

– Ах, барон, вы об этих микстурах, – он поморщился с изыществом человека, привыкшего морщиться красиво. – Помилуйте, они же горькие. Я пробовал, честное слово пробовал. Но это выше моих сил.

Услышав это, я не удержался и хмыкнул. За недолгую историю санатория жалоб я наслушался всяких, но чтобы взрослый человек третий день воевал с целительницей из-за горького вкуса – такое у нас случилось впервые.

– Ну, сладкими они и не будут, – заметил я. – Лекарство и не должно быть похоже на конфету. Вот скажите мне честно, Григорий Мирославович: вы сюда повеселиться приехали или всё же здоровье поправить?

Старик задумался, и думал он долго: глядел в окно на сад, поглаживал серебряную бородку, а в лице его читалась настоящая внутренняя борьба.

– Разумеется лечиться, – ответил он наконец с достоинством.

Ответ прозвучал правильный, только вот пауза перед ним вышла непозволительно долгой. Такими темпами он будет неделями наслаждаться вечерами и кухней, изводить Лизу капризами, а потом уедет ровно с теми же болячками, с которыми прибыл. И расскажет потом знакомым, что лечение в санатории Дубровского не помогает, и подобной рекламы мне не надо даже даром.

– Тогда слушайте внимательно, – я подался вперёд. – Других снадобий в мире не существует. Волшебной сладкой пилюли вам не приготовят нигде – ни здесь, ни в Ницце. А одна целебная вода и соляные пещеры вас на ноги не поставят, они работают только вместе с лечением. Если не желаете лечиться как велено, то я волен выписать вас досрочно.

– Как это досрочно? – старик выпрямился в кресле, и светская улыбка сползла с его лица.

– А вот так. В правилах санатория написано: за несоблюдение лечебного режима владелец вправе выписать пациента ранее срока и вернуть ему средства за оставшиеся дни. Всё честно, Григорий Мирославович. Деньги ваши мне не нужны, мне нужны здоровые пациенты.

Про правила я, допустим, слегка забежал вперёд, поскольку их ещё не существовало в природе. Но идея была здравая, и заняться ею следовало давно: составить свод правил и повесить его в раме у самого входа, а каждому гостю вручать копию при заселении.

Этим делом я решил заняться сегодня же вечером. Жаль только компьютера здесь нет, работа предстоит большая, так я эти правила целую неделю от руки составлять буду. В прошлой жизни на такой документ у меня ушёл бы один вечер и два стакана чая.

Старик тем временем в полной тишине переживал услышанное.

– Выписываться я не желаю, – сказал он твёрдо. – Здесь мне хорошо, барон, я к вам, между прочим, ещё и на будущий сезон собирался.

– В таком случае попрошу вас соблюдать правила. Иначе вы не оставите мне выбора, – спокойно сказал я.

Ожидал, что он продолжит возмущаться. Что в ход пойдёт титул, имя и связи и при дворе. Но нет...

– Хорошо, Дубровский. Я буду принимать эти ваши ужасные микстуры. Но позвольте хотя бы запивать их морсом. Это моё условие, и оно окончательное!

Что ж, видимо проблема и в самом деле мелочная оказалась. И дворянин только Лизу позлить для веселья хотел.

– По рукам, – согласился я и встал. Всё оказалось куда проще, чем я ожидал. – Морс я вам лично распоряжусь подавать. И вот ещё что: Елизавете Павловне больше не перечьте. Она в лечении понимает больше нас с вами вместе взятых.

– Слово дворянина, – старик приложил ладонь к груди и снова заговорил мягко, по-светски. – Передайте ей мои извинения, барон. И комплименты. Строгость ей, между нами, очень к лицу.

Не сомневаюсь, что именно из-за этого он ей и докучал. Впрочем, как и многие другие “капризные” старики, с которыми мне вот так же приходилось вести беседы.

Проблема решилась, и я вышел из палаты в хорошем расположении духа. Один капризный пациент – это, конечно, не Тенелист и не тайная организация, но и такие победы приятны. Тем более что победа сберегла нервы Лизе, а её я ценил высоко.

Затем я направился к купальням. В помещении перед купелью было тепло и влажно, пахло травами и нагретым камнем. Горенков уже стоял одетый, свежий и румяный, и застёгивал последние пуговицы на рубахе. Процедуры, судя по всему, закончились совсем недавно. Лиза складывала в шкаф стопку свежих полотенец.

– Ну как? – спросил я с порога.

– Влияние удалось полностью устранить, – ответила Лиза, не оборачиваясь. – Вода быстро забрала всё до капли. Чужая дрянь из него вышла минут за двадцать, её было не столь много, дальше он просто отмокал в своё удовольствие.

– Не отмокал, а закреплял результат, – с достоинством поправил Мишка.

Для верности он стянул картуз и подёргал себя за волосы, сначала осторожно, потом смелее. Волосы держались крепко, между пальцев не осталось ни единого. Мишка просиял так, словно ему вернули родовое имение.

– Сева, ты глянь! Держатся! – он дёрнул ещё раз, теперь у виска. – Ей-богу держатся! Елизавета Павловна, вы чудесница. Я на свадьбу вас первой приглашу, вот увидите.

– Лучше пригласите меня на осмотр через месяц, – усмехнулась Лиза. – Для верности.

– Вот и славно, – подвёл итог я. – Теперь я тебя со спокойной душой в город отправлю.

Договорить о запретных вещах нам, однако, не дали. Снаружи послышался частый топот, дверь распахнулась настежь, и в предбанник ворвался Грач. Я не сразу узнал его, до того он был не похож на себя обычного. Грач всегда двигался бесшумно и говорил вполголоса, а сейчас он тяжело дышал, ворот его рубахи потемнел от пота, и в глазах стояло то, чего я не видел у него никогда прежде: самый настоящий страх.

– Барин, – выдохнул он с порога. – Нашли ещё тайник! У дальнего оврага, на гиблых землях. На этот раз он не запечатан был. Стоял открытый, будто нас дожидался. Но как только подошли к нему... – Грач сглотнул и опёрся рукой о косяк. – Словно гнить заживо начали.

Вместо ответа он рванул рукав вверх и вытянул руку к свету. От запястья к локтю по его руке расплзались тёмные пятна, а посередине предплечья вздувался гнойник размером с пятак, окружённый багровой каймой.

Лиза оказалась рядом раньше, чем я успел открыть рот. Один взгляд на руку – и её лицо стало жёстким.

Ох и нехорошее предчувствие у меня!

– Бегом в купель! – командовала Лиза и потянула Грача за здоровую руку.

– Стой! – я перехватил егеря за плечо. – Где все остальные?

Глава 3

Я ожидал, что Грач сейчас скажет, что произошла настоящая беда. Что остальные застряли в тайнике и нужно срочно бежать их спасать. И уже понадеялся хотя бы на то, что вырваться удалось кому-то ещё, кроме него.

– Где остальные, спрашиваю? – повторил я, не отпуская его плеча.

– Поспевают, бегут, барин, – спешно ответил он. – Только мне досталось, я ближе всех подошёл. И если честно, так перепугался, что быстрее остальных в лечебницу побежал, – Грач здоровой рукой почесал затылок, и на его лице сквозь испарину проступило смущение. – Даже Тишь обогнал.

Я с облегчением выдохнул и только теперь заметил, как сильно у меня свело пальцы на его плече. Выходит, живы все и целы, бегут следом. Худшая из картин, которые успело нарисовать воображение, рассыпалась, толком не сложившись.

– Бегом в купель, – кивнул я и разжал руку.

– Рукав не трогай, не расчёсывай и рукой не маши, – командовала Лиза на ходу. – И не вздумай мне рассказывать, что до завтра само рассосётся.

– Да я разве спорю? – покорно бубнил Грач, поспевая за ней.

Лиза без лишних разговоров повела его восстанавливаться. Уже в дверях она обернулась и бросила на меня короткий взгляд, в котором читалось обещание вытянуть из егеря всю заразу до последней капли, и кажется, речь шла не только про магическую хворь.

А Мишка всё это время жался у дальней стены предбанника, вцепившись в свой картуз обеими руками, и с его лица начисто смыло всю благодать. Он смотрел на дверь, за которой скрылись Лиза с Грачом, и картуз в его пальцах постепенно превращался в мятую тряпицу.

– Обошлось, – наконец выдохнул Мишка и вытер лоб рукавом.

– Да, – согласился я. – Можно сказать, повезло.

– У тебя тут всегда так? – Горенков покосился на дверь купален. – Не успел один из воды вылезти, второго уже ведут. То-то думаю, не зря я в городе служить остался...

– Не всегда, – ответил я. – Сегодня день насыщенный.

Хотя, если подумать, повезло нам с егерями явно не просто так. Это всё ещё работал эффект от того “ритуала”, который я устраивал для домашних и гостей в сияющей чаше. Удача во всём, как я и предупреждал тогда у светящихся деревьев.

С тех пор я уже не раз успевал убедиться, что везение и правда меня преследует, причём в самые нужные моменты. Хотя когда я в прошлой жизни читал книжки про попаданцев, такое называлось роялями в кустах. Теперь вот выяснилось, что рояль можно вырастить в собственном лесу, но цвести он будет не чаще раза в год, и сама удача у него имеет ограниченный срок годности.

Ну да ладно, сейчас не до этого. Надо вон Мишку проводить и с тайником разобраться. Позволить какой-то яме снова травить мою землю я не собирался.

Мы с Мишкой вышли из санатория. И тут я увидел, что к нам подходит Ярослав с Тишью, а за ними подтягиваются остальные егеря. Рубахи у мужиков потемнели на спинах, дышали они тяжело, но шли ровно, без единой заминки. Замыкал цепочку Данила, и по его лицу было видно, что утренняя пробежка запомнится парню надолго. Грач не соврал, следом и правда подоспели остальные.

Горенков покосился на приближающийся отряд, потом на дверь купален у нас за спиной и заторопился. Видимо, прикинул, что за дела намечаются у меня на сегодня, и решил, что невеста в городе куда безопаснее.

– Ну, я пойду, – он спешно протянул мне руку. – Вижу, у тебя тут дела намечаются. А я, уж прости, на сегодня свою долю приключений исчерпал. С запасом!

– Доброй дороги, – кивнул я, отвечая на рукопожатие. – Звони мне, как уговаривались. И дату сообщи. Это обязательно.

– Сообщу, – чуть улыбнулся он. – А ты уж тут поосторожнее, Сева. Я тебя на свадьбе живым и здоровым видеть хочу, на почётном месте. Без тебя и праздник не праздник.

– Буду, – пообещал я. – Куда я денусь.

– И спасибо ещё раз. За всё.

Он повёл рукой в сторону поместья, и было понятно, за что благодарил. За свадьбу, за премию и за то, что его вообще подобрали когда-то на волгинской площади.

Я чуть улыбнулся ему в ответ и кивнул. Затем проводил его взглядом до поворота аллеи. А потом моё лицо посерьёзнело, и я обернулся к егерям.

Первым делом я осмотрел всех внимательным взглядом, в том числе Ярослава и Тишь. Каждого заставил закатать рукава и показать мне руки и шею, а Данилу вдобавок развернул спиной, потому что парень стоял ко мне боком и подозрительно сутулился. А делал он это, как выяснилось, от обычной одышки. Гнойных наростов ни у кого не обнаружилось, кожа у всех была чистая, без единого тёмного пятна.

Как и сказал Грач, зараза поразила только его самого, потому что он ближе всех подошёл к яме. В самом деле повезло, причём уже второй раз за это утро.

– Мы после Грача к яме и на десять шагов не подходили, барин, – доложил Данила, отдышавшись. – Как он взвыл да за руку схватился, так все и попятнулись. Метку на берёзе оставили, тряпицу красную, издали видно.

– Правильно сделали, – кивнул я. – Хм, а быстро вы обернулись, – сделал вывод я, прикидывая расстояние.

До земель, где располагалось бывшее логово Тенелиста, путь был приличный. Раньше мы к вечеру туда добирались, а эти к полудню успели смотаться туда и обратно, да ещё и бегом под конец.

– А нас подбросили, – ответил Ярослав. – И туда, и обратно.

– Кто же? – поинтересовался я, хотя уже догадался.

– Мох, – подтвердил мою догадку Ярослав. – Лось и вовсе вспомнил свою давнюю способность становиться... скажем так, чуть больше. И материализоваться на время.

– Ага, “чуть”, – буркнул Данила и передёрнул плечами. – Да я чуть не поседел, когда в первый раз на этого лося сел. Сидишь, а под тобой гора шевелится и рога впереди как ворота. Зато донёс мягко, врать не буду.

Егеря за его спиной заухмылялись, и по этим лицам я понял, что визг Данилы при посадке теперь будут припоминать до самой зимы. Было видно, что наличие огромного духа в лесу они удивлены, но эмоция эта уже сходит на нет. И хорошо.

– На этот раз к тайнику пойду я сам, – объявил я. – Точнее, вместе с Тишью. Покажешь дорогу?

Тишь подняла клиновидную голову и коротко зашипела. Судя по тому, как дрогнули золотые полосы на её боках, дорогу она запомнила прекрасно, хоть и без всякой радости.

– Я тоже пойду, – тут же вызвался Ярослав. – Мало ли что.

– Хорошо, – согласился я. – Остальным отдыхать и заступать на дежурства по расписанию. И вот ещё что: как Грача из купели встретите, передайте, чтобы отлёживался до завтра. Знаю я его, он через час опять на обход попросится.

– Передадим, барин, – усмехнулся Данила. – Только он всё равно попросится.

– А вы всё равно не пускайте.

Егеря разошлись, а мы троём двинулись к восточной опушке. Пешком туда идти было далеко, а Тишь и без того преодолела за утро двойное расстояние, поэтому я снова воспользовался помощью Мха.

Стоило мне потянуться к лесу с просьбой, как между деревьями заворчалось что-то огромное, и на прогалину вышел лось. Точнее, то, что было лосем час назад. Теперь холка духа поднималась выше моей головы, ноги стали толщиной с молодые стволы, а размах рогов и правда напоминал распахнутые ворота.

– Садись, хозяин, – прогудел Мох. – Довезу. Мне не тяжело.

Забирались мы по подставленному колену, как по ступеньке. Я устроился у холки, Ярослав позади меня, а Тишь просто обвила лосиную шею широким кольцом и замерла, будто всю жизнь так ездила.

– Ага! – торжествующе пискнул Пушок у меня за пазухой и высунул нос наружу. – Формально и я покатаюсь! Еху-у-у!

– Формально ты багаж, – мысленно усмехнулся я, и Пушок оскорблённо фыркнул, но нос не спрятал.

Мох тронулся с места, и лес поплыл мимо нас плавно и беззвучно. Ни одна ветка не хлестнула по лицу, ни один корень не подвернулся под копыто. Деревья сами расступались в стороны перед духом, а за нашими спинами смыкались обратно. Мох нёс нас через овраги и буреломы так, словно шёл по накатанному тракту, и даже болотистую низину у трёх старых ив пересёк, не замочив нам сапоги. Дорога, на которую у пешего отряда уходило полдня, уместилась в какой-то час с небольшим.

Большую часть расстояния мы проделали верхом на духе. Потом, у границы его земель, спешились.

– Дальше сам, хозяин, – сказал он. – Туда мне ходу нет. Земля моя заканчивается.

Дух кивнул тяжёлой головой и растворился между стволами, а мы пошли дальше пешком. Тишь скользнула вперёд, взяв на себя роль проводника, и мы вскоре двинулись за ней по землям, где из почвы только-только поднималась трава.

Всё здесь было молодое: тонкие прутики будущих берёз, светло-зелёный мох на старых пнях, робкие кустики земляники вдоль бывшей мёртвой полосы. Кое-где среди зелени темнели проплешины, до которых жизнь ещё не добралась, но и они с каждой неделей сужались, отступая под напором травы. Смотреть на всё это возрождение было по-настоящему приятно. Ещё недавно тут стояла серая пустошь, по которой гулял один ветер, а теперь земля дышала полной грудью.

– Дивный лес у тебя, хозяин, – сказал Ярослав, оглядываясь по сторонам. – Время здесь играет то ли злую, то ли добрую шутку.

Я на ходу повернулся к своему спутнику.

– А ты определись: злую или добрую?

– Ну... – Ярослав задумался, продолжая шагать. Тишь тем временем ползла впереди, огибая молодые деревца, и ориентировалась она в этих местах не хуже меня самого. – Зла я от него не видывал. От самого леса, не считая его гостей.

Под гостями он, разумеется, имел в виду Тенелиста, и такая деликатность формулировки меня даже позабавила. Змеиная натура сказывалась: Ярослав и в человеческом теле предпочитал не называть врага по имени, будто имя могло приманить хозяина.

– Стало быть, добрую, – заключил я. – И я понял, о чём ты. Иной раз идёшь до одного места час, иной раз два. А иной раз и до вечера не дойдёшь. Это имеешь в виду?

– Да, – кивнул Ярослав. – Когда часто туда-сюда ходишь, особенно заметно. Вот вчера мы с егерями до старой вырубki за час добрались, а месяцем раньше полдня туда плелись. Я сперва на свою память грешил, думал, дорогу перепутал. Потом понял, что дорога та же самая, только короче стала.

Мне же было особенно заметно, когда я в разные часы добирался до этих дальних мест или Истока. До которых идти по идее дальше всего. Но ведь бывало и такое, что лес пропускал очень быстро. А тогда, в порыве схватки или погони, не успеваешь задуматься – почему.

Главное, что лес всегда приводит куда надо. А то было бы обидно перескочить нужное место. Но такого ни разу не случилось.

Я усмехнулся, вспоминая свои первые недели в этом мире.

– Более того, был у меня случай. Архип в первый свой день пытался сбежать и не смог. Лес его всё время возвращал обратно к поместью. Он тогда, бедолага, три круга намотал, вышел трижды к одному и тому же дубу и решил, что сошёл с ума. До сих пор, по-моему, тот дуб стороной обходит. Вот такая вот штука. Границы у леса вроде бы обозримые, а что-то внутри него то растягивается, то сжимается. Интересный феномен. Только не нам его изучать, а каким-нибудь учёным столичным.

– Мне кажется, лучше не надо сюда учёных, хозяин, – серьёзно ответил Ярослав. – Ты и сам это не раз говорил. Увидят они Исток, и всё.

– Да, говорил, – согласился я. – Поэтому и не приглашаю. Лес ничего плохого не делает, скорее добрую службу служит, сокращая нам расстояние, когда может. Возможно, когда-нибудь я разберусь в этой системе. И тогда мы сможем добраться от поместья до этих мест минут за десять.

– Было бы неплохо, – усмехнулся Ярослав и вмиг остановился.

Остановка эта вышла резкой и по-змеиному быстрой. Я привычно потянулся чувствами к лесу, ожидая угрозы, но природа вокруг была спокойна.

– В чём дело? – спросил я.

– Дело не в лесе, хозяин. Это человеческое что-то. Внутри. Я всё ещё разбираюсь с чувствами, дай мне секунду. Хочу выразить это словами.

Я ждал молча и давить на него не стал. Такие моменты случались у него нечасто и торопить его было нельзя, как нельзя торопить росток, пробивающий землю.

– Я был бы рад, – наконец произнёс он и улыбнулся. – Вот оно, это слово. Ты сказал про десять минут, и внутри у меня будто потеплело. Понял, что хочу дожить до этого “когда-нибудь” здесь. Раньше я такого не чувствовал. Ну или так отчётливо не понимал.

Улыбка его вышла искренней, и, кажется, впервые я видел подобное на его лице. Даже Пушок за пазухой, обычно не упускающий случая вставить ехидное словцо, на этот раз промолчал, и молчание его было каким-то уважительным.

Ярослав осваивался, и это было заметно с каждым днём. Сперва он освоил язык, и шипящих в его речи становилось всё меньше. Теперь он делался всё более эмоциональным и человеческим, у него постепенно проявлялся характер. Даже интересно, каким он станет через год.

В прошлой жизни я любил наблюдать, как растут люди, в которых вложил, и Ярослав в этом смысле оказался самым необычным моим вложением.

Я улыбнулся в ответ и похлопал его по плечу.

– Думаю, скоро разберёмся. И с чувствами твоими, и с лесом. Идём, а то Тишь заждалась, – позвал я.

Красную тряпицу на берёзе я заметил издалека, метку егеря повязали на совесть. А ещё через полсотни шагов началась та самая граница, которую чуяла Тишь: молодая трава здесь редела, стебли стояли жухлые, с сединой на кончиках, и даже кузнечики, стрекотавшие всю дорогу, разом смолкли.

Тишь действительно ждала нас впереди, и вела она себя беспокойно. Василиск остановился метрах в десяти от глубокой ямы и метался туда-сюда вдоль невидимой черты, не решаясь её пересечь.

Эффект был похож на тот, что случился с ней у прошлого тайника: она чуяла дурное и не желала подходить ближе. Только теперь, наученная прошлым опытом, Тишь понимала, что именно там лежит, и уже не кидалась с шипением на всё вокруг.

Я подошёл к ней, присел и погладил её по клиновидной голове. Чешуя под ладонью была напряжённой, твёрдой, словно каменная кладка, но от прикосновения Тишь понемногу обмякла и перестала метаться.

– Умница, – сказал ей. – Дальше я сам. Побудь с Ярославом.

Тишь фыркнула, лизнула воздух раздвоенным языком в направлении ямы и только после этого отползла к Ярославу. Там она обвилась вокруг его шеи и свесила голову ему на грудь. Тот машинально почесал её под подбородком, даже не отрывая взгляда от ямы.

Сам же я подошёл к краю тайника, предварительно окружив себя энергетическим барьером. А то не хватало и мне начать гнойниками покрываться. Затем посветил в яму магическим светильником. Небольшой кристалл в моей руке разгорелся ровным белым светом и вырвал из темноты содержимое тайника.

Внутри, на утоптанном земляном дне, лежали три установки. Три накопителя, похожие на тот, что мы нашли в прошлом тайнике: тёмные, оплетённые заморской вязкой, с мутными сердцевинами. В глубине каждой сердцевины медленно ворочалось что-то серое, похожее на дым в закупоренной бутылки. И смердело от них соответственно, в три раза пуще прежнего. Даже отсюда, с края ямы, я чувствовал, как от этой троицы тянет могильной стылостью, от которой у корней подо мной сводило волокна.

Для проверки я попросил землю выпустить в сторону ямы тонкий корешок. Тот послушно пророс из стенки, потянулся вниз и замер в нескольких сантиметрах от ближнего накопителя. Дотрагиваться я ему не позволил, хватило и этого.

Кончик корешка посерел, обвис и высох, словно находился там не минуту, а целые годы засухи. Я отозвал его обратно и мысленно поблагодарил за службу. Вопросов к тому, что случилось с рукой Грача, у меня больше не осталось. Зато на смену им пришло понимание, куда менее приятное. Один такой накопитель едва не стоил мне куска леса, а здесь их лежало сразу три, и все они были полны под завязку.

Я выпрямился и отступил на шаг, обдумывая увиденное.

– О чём думаешь, хозяин? – поинтересовался Ярослав из-за спины.

За последние недели я успел заметить, что он стал ещё и довольно любопытен. Вот и ещё одна черта характера, которая у него уже вполне проявилась.

– Не хочу тащить их в поместье, – ответил я. – Зачем мне всю эту гниль там собирать? Вон Грач уже чуть не пострадал, а он всего лишь близко подошёл.

– Что тогда думаешь делать?

– Уничтожу, – просто сказал я. – Но сперва нужно понять, как это сделать правильно.

– Могу их вытащить и отнести подальше, – предложил Ярослав. – Моя кровь к такой отраве привычнее человеческой.

– Видел, что с корешком стало? – я качнул головой. – Может, и привычнее, но проверять мы это не будем. Никто к ним не притронется, пока я не пойму, как защититься от того, что сидит внутри.

Оставлять тайник открытым на ночь я, конечно, не собирался. Потому присел на корточки, приложил ладонь к земле и обратился к ней с просьбой. Природа отозвалась охотно: по краям ямы зашевелились корни, потянулись навстречу друг другу и сплелись над провалом плотной решёткой. Поверх решётки лёг дёрн, а по дёрну тут же побежала молодая трава, торопливо, будто ей самой не терпелось спрятать эту дрянь от белого света. Через минуту на месте ямы зеленела ровная лужайка, неотличимая от остального луга.

– Чисто сработано, хозяин, – оценил Ярослав. – Тут и сам лес не догадается, что под ним яма.

– На то и расчёт, – ответил я. – О том, что здесь тайник, теперь не узнает никто. А до завтра Тенелист сюда точно не вернётся, раз уж не возвращался за всё это время.

Может, залить их какой-нибудь магической кислотой? Мысль звучала заманчиво и просто, и именно поэтому я ей не доверял. Кислоту такой силы ещё попробуй раздобудь, а главное, никто не обещал, что разъеденная вязка выпустит свою начинку тихо и мирно. С тем же успехом можно вскрывать паровой котёл зубилом.

Обратно Мох вышел к нам сам, стоило мне позвать. Мы забрались на его спину в том же порядке, и дух двинулся к поместью размеренным шагом, от которого клонило в сон. Ярослав задремал за моей спиной уже через несколько минут, Тишь свернулась на звере тёплым кольцом, и даже Пушок за пазухой притих.

А вот мне было не до сна. На обратном пути я перебирал в голове формулы и прикидывал, как подступиться к разрушению. Схема артефакта у меня имелась, причём довольно подробная: Оленский прислал её вместе с Мишкой, разобрав устройство по косточкам.

Разрушить сам артефакт было не так уж сложно. Сложно было совладать с энергией, которая при этом выйдет наружу. Потому что энергия эта и является разрушающей по самой своей природе. Это именно то, из-за чего гнил мой лес. Судя по схеме, это был накопитель. Разрушь я его, и весь накопленный напор разом хлынет в сторону первой попавшейся жизни, будь то трава, зверь или человек. Грачу хватило одного подхода к открытой яме, а тут предстояло вскрыть три полных сердцевины подряд.

То есть картина в итоге складывалась незавидная. Уничтожу артефакт – освободится энергия, и какая-то часть моего леса опять начнёт гнить. И всё по новой восстанавливать. А мне бы очень хотелось пропустить этап с гниением леса. А вот как это сделать – пока оставалось загадкой.

Всё-таки тайная организация, когда аккумулирует эту энергию, потом её во что-то преобразует. В годы жизни, если верить слухам. А это значит, что у них есть какой-то другой артефакт, преобразующий, и наверняка он поновее и похитрее накопителей. Пока что его устройство находилось для меня под завесой тайны, но сейчас это было и не так важно, как окончательно спасти мои земли.

И к концу дороги у меня появилась кое-какая мысль, как можно эту энергию утилизировать без вреда для леса. Этот план действий я и перебирал в голове, когда сошёл на землю недалеко от своего поместья, ближе к ужину.

Но только я собрался зайти внутрь, как прямо на крыльце передо мной материализовался Валерьян.

– Вот ты где шагаешь, внучок.

Дед висел над крыльцом в своей любимой позе, заложив полупрозрачные руки за спину, и глядел на меня с видом ревизора, заставшего приказчика за растратой. Вид этот я знал прекрасно: это означало, что у Валерьяна есть новости и он намерен извлечь из их подачи максимум удовольствия.

– Что-то от тебя сегодня перегаром не несёт, – усмехнулся я, останавливаясь на нижней ступеньке.

– Бездельничал, значит, раз ещё на шутки сил хватает, – проворчал дед и вдруг подплыл ближе. – А я, между прочим, предупредить тебя хочу.

Он перешёл на заговорщицкий шёпот, хотя во дворе не было ни души из тех, кто мог бы его увидеть, и оглянулся по сторонам с видом опытного конспиратора. Судя по тому, как дед растягивал паузу, новостью своей он дорожил и подавать её собирался по всем правилам театрального искусства.

– Слушаю, – вздохнул я, не ожидая ничего хорошего.

Вот прямо-таки чувствовал, что удача моя из сияющей чаши решит испариться именно в этот момент.

– Я тут ночами за всеми слежу, – начал Валерьян. – Ну, ты же знаешь, призраки спать не умеют, а заняться чем-то надо. Дом сторожу, между прочим, лучше любого пса. Так вот. Последнее время Лизка твоя по ночам плачет. А почему? Это ты уже у неё сам узнавай.

Глава 4

Я тихонько приоткрыл дверь спальни Лизы и остановился на пороге. Открылась она без единого скрипа, и удивляться тут было нечему. После недавнего ремонта в моём доме ни одна дверь не скрипела и совершать такую пакость уже не будет, потому что теперь этот процесс контролирует сам лес. Петли здесь в прямом смысле живые, и смазывать их не надо: дерево само питает их соком, как питает весной почки.

Эх, что-то совсем не о том я думаю, заходя среди ночи в комнату женщины. Вот ведь ирония судьбы: сначала Ярина ко мне по ночам заглядывала, а теперь я сам крадусь к Лизе, правда, совсем с другими намерениями.

Слова Валерьяна о ночных слезах весь вечер не шли у меня из головы, и, дождавшись, когда дом затихнет, я отправился разузнать всё сам.

Но решил, что в простом разговоре Лиза всей правды не выдаст, раз молчала столько времени. А потому пошёл так.

Я тихо пролез в спальню и сразу увидел тёплый свет от светильника. Выходит, Лиза этой ночью и правда не спала.

Она сидела в дальнем углу комнаты, возле холста с красками, вполоборота ко мне. Домашнее платье, накинутая на плечи шаль, собранные в небрежный узел волосы, из которого выбилась одна прядь и падала ей на щёку.

Мольберт, краски и кисти я сам выбирал в Волгине и подарил ей на день рождения, который был этим летом. С тех пор она успела написать пару картин, но времени на любимое занятие у неё вечно не хватало: санаторий, пациенты, мои егеря со своими вечными болячками. Она, впрочем, никогда на эту нехватку и не жаловалась.

Так вот, оказывается, что она делает по ночам, когда весь дом смотрит десятый сон. До этого я видел у неё только карандашные наброски, да и те мельком.

Меня она не заметила и продолжила рисовать. Кисть в её пальцах двигалась медленно и уверенно, короткими бережными касаниями, и с каждым касанием Лиза чуть склоняла голову набок, оценивая работу. Ни грусти, ни слёз я не увидел: плечи у неё были ровные, дыхание спокойное, а в уголках губ пряталось сосредоточенное упрямство, знакомое мне по её работе в лечебнице.

Видимо, этой ночью я пришёл слишком рано. Может, оно и к лучшему, ведь ни одна девушка не хочет, чтобы её застали в слезах посреди ночи, да ещё и без предупреждения. Я уже начал понимать, что решение прийти сюда среди ночи было больно опрометчивым.

Однако то, что я разглядел далее, задуманному разговору, как мне показалось, тоже способствовать не будет.

Потому что Лиза на этом холсте рисовала меня!

С холста прямо на меня смотрело моё собственное лицо, и написано оно было уже больше чем наполовину. Я увидел, как тонкой кистью она выводит черты этого лица, как осторожно наносит краску в тени под скулами, как правит линию подбородка, отклоняется, шурится и снова подносит кисть.

Всё это она делала по памяти, не отрываясь ни на мгновение, и по этой памяти выходило, что Лиза разглядывала меня куда внимательнее, чем я думал. Свет светильника ложился на холст ровным золотом, и лицо на портрете казалось живым. Причём смотрел этот нарисованный я мягче, чем привык смотреть на себя в зеркале настоящий. Похоже, именно таким целительница меня и видела все эти месяцы.

На несколько минут я попросту залип, стоя в тёмном проёме и боясь пошевелиться. В прошлой жизни мне доводилось видеть свои портреты: их заказывали к юбилеям фирмы

услужливые заместители, и висели те портреты в переговорной, нагоняя тоску на посетителей. Ни один из них не имел ничего общего вот с этим холстом, написанным ночью для самой себя.

– Мне кажется, здесь всё очевидно, – подал голос Пушок.

Эта белка в последнее время очень редко оставляла меня одного, и избавиться от такого сопровождения было тем ещё заданием. Сейчас, впрочем, я был даже рад, что избавиться не вышло.

– Пожалуй, впервые я с тобой согласен, – мысленно ответил я и тихо удалился из комнаты.

Все задуманные по дороге разговоры для Лизы вмиг испарились из моей головы, будто их там и не было. Так же тихо я прикрыл за собой дверь и постоял секунду в коридоре, прислушиваясь.

Сердце у меня колотилось так, словно я только что уносил ноги от очередного монстра, хотя за дверью сидела всего лишь девушка с кистью в руках. Половицы подо мной милосердно молчали, и за это я был готов расцеловать весь свой ремонт. Убедившись, что в спальне всё тихо, я двинулся по тёмному коридору прочь.

– И что теперь будешь делать? – поинтересовался Пушок, когда спальня Лизы осталась позади.

– Выберу другую стратегию, – ответил я.

В переговорах такое случается сплошь и рядом. Ты готовишь одну повестку, а на месте выясняется, что говорить нужно совсем о другом и совсем иначе. Опытный переговорщик в такой ситуации откладывает старый сценарий в сторону, берёт паузу и перестраивается на ходу.

– У меня есть идея получше, – заявил Пушок через пару минут, когда мы уже подошли к моей комнате.

К слову, когда я только переместился в это тело, спальня моя находилась на первом этаже, среди пыли и рассохшейся мебели. Теперь же она расположилась на втором, неподалёку от кабинета, и это оказалось куда удобнее для человека, который засиживается над бумагами до поздней ночи. Внизу отныне живут слуги и останавливаются гости, там же Сухомлин обустроил залы для своих мероприятий. Но суть сейчас была вовсе не в этом!

Кажется, мозг цепляется за любую деталь, лишь бы не думать о...

– Скажи, она тебе нравится? – прямо спросил Пушок, когда я закрыл за нами дверь. Вот он и уловил то, от чего я мысленно “бежал”.

Вопрос этот повис в тишине ночной спальни. Отпираться перед существом, которое больше никто не может услышать, было бы глупо.

– Допустим, – ответил я.

– Тогда давай сделаем вот что. Только чур дослушать до конца и не фыркать раньше времени!

Я слушал, и брови мои поднимались всё выше. Задумка была авантюрная, местами до неприличия наглая, и в первую минуту мне захотелось щёлкнуть советчика по носу.

А вот к третьей минуте я поймал себя на том, что уже прикидываю детали. Чем дольше Пушок шептал, тем меньше возражений у меня оставалось.

Дослушав его до самого конца, я согласился.

Потому что, несмотря на все причитания, которые долгими вечерами уже были высказаны этой белке, семью я в прошлой жизни так и не создал. А хотелось ли? Вот на этот вопрос мне предстояло ответить самому себе.

***

Лиза открыла глаза, стоило утреннему солнцу коснуться её лица. Она поморщилась, натянула одеяло повыше и мысленно отругала себя за то, что с вечера не зашторила окна.

Полежав так с минуту, она всё же поднялась и села на кровати, нашаривая ногами домашние тапки. Может быть, хоть сегодня получится освободиться пораньше... Хотя кого она обманывает всеми этими утренними надеждами? Примерно такую мысль она думает каждое утро, а потом возвращается к себе затемно, вымотанная до звона в ушах, потому что некоторые пациенты словно поставили себе цель свести её в могилу!

Взять хотя бы Григория Мирославовича, того самого, который три дня отказывался пить микстуры. Горькие они ему, видите ли, на утончённый дворянский вкус.

Лиза прекрасно понимала, что горечь тут была ни при чём и что старик попросту над ней издевался, со всей своей светской обходительностью и комплиментами. Три дня она приходила к нему с той же склянкой, выслушивала рассуждения о погоде и о том, как строгость ей к лицу, и три дня уносила склянку нетронутой. А всё это лишь потому, что она женщина-целитель, и другой причины тут искать не надо. Слово женщины в лекарском деле ценится куда меньше мужского, и это правило Лиза выучила задолго до санатория. Стоило Всеволоду зайти в палату и сказать ровно то же самое, что она повторяла три дня подряд, и капризный старик тут же дал слово дворянина. Морсом, правда, выторговал себе запивать, но хоть так.

С приходом отца в санаторий ей стало заметно легче, спорить с Павлом Демьяновичем пациенты редко решались. Но и отец при всём желании не мог разорваться на всех разом. Именно в тот день он сопровождал группу гостей в соляную пещеру и Лиза оставалась в санатории одна. Вот и пришлось вчера идти просить о помощи Всеволода. А ведь она не может бегать к нему с каждым капризным стариком!

Хотя ей уже начинало казаться, что среди дворян расползаются слухи, будто в этот санаторий можно приехать за двумя удовольствиями разом: полечиться целебной водой и всласть поизмываться над целительницей. Жуть какая, если вдуматься, и стыд на всю губернию!

Лиза ещё раз поморщилась от своих мыслей и по привычке взглянула в дальний угол комнаты. Там, у окна, стоял мольберт с незаконченным портретом Всеволода. Ночной свет ему шёл больше утреннего, при светильнике тени под скулами казались глубже и живее.

Она чуть улыбнулась, разглядывая знакомые до последнего штриха черты. Потом прикусила губу и опустила взгляд. Никто и никогда не должен этого увидеть, вот что следовало помнить в первую очередь!

Лиза подхватила холст и быстро спрятала его в шкаф, за зимние платья, которые уже были приготовлены к холодам. Уже прикрывая дверцу, Лиза замерла, потому что до неё вдруг дошла вся глупость этой затеи. Она ведь, если вдуматься, живёт в живом доме. В том самом доме, который вырос из леса, а лес подчиняется Всеволоду и докладывает ему обо всём, что происходит на его землях. Вдобавок по этому дому летает призрак его деда, которого она не видит, зато призрак её, надо полагать, видит прекрасно. А ещё есть белка-фамильяр, которая вечно сидит у хозяина за пазухой и наверняка передаёт ему каждую мелочь. Сложно тут хранить секреты!

Девушка сняла с кресла шерстяную ткань и тщательно укутала портрет, прежде чем спрятать его в шкаф. Так будет спокойнее, хотя от леса, призраков и белки ткань, разумеется, не спасала. Уничтожить картину рука бы всё равно не поднялась.

Ей хотелось хотя бы закончить работу, довести до ума глаза, в которых пока не хватало той спокойной усмешки, с которой Всеволод встречал любые беды. А потом, чем чёрт не шутит, подарить портрет ему и во всём признаться.

Она тряхнула головой, отгоняя эту мысль подальше. Нет, вот это было бы уже слишком даже для её ночных фантазий. Между ними лежала огромная разница в положении, и никакой портрет эту пропасть не сомкнёт. С ним должна быть какая-нибудь высокородная дворянка, как минимум дочь знатного барона. Юная, лет шестнадцати, максимум восемнадцати, со свежим личиком, приданным и полезными для рода связями. Так устроен этот мир, и барон Дуб-

ровский, при всех его странностях, остаётся бароном. Но уж никак не Лиза из обнищавшего рода, целительница на жалованье, чьи руки по локоть в чужих болячках.

К тому же она прекрасно видела, как к нему подбивает клинья Ярина. И пусть та тоже была из обедневшей семьи, по статусу она подходила Всеволоду куда больше. Вдобавок Лиза знала, что Всеволод давал Ярине некоторые обещания... Это злило её сильнее всех капризных стариков вместе взятых. Настолько, что Лиза и сейчас не заметила, как сжала кулаки, и опомнилась только тогда, когда ногти впились в ладони. Она разжала пальцы, посмотрела на четыре белых полукруга на коже и глубоко вдохнула, как учила пациентов перед болезненными процедурами.

И что ей, спрашивается, со всем этим делать? У неё нет ни единого шанса, и она это отлично понимает. Всё, на что её хватает, это плакать ночами и рисовать картины от полнейшей беспомощности. Замечательный арсенал для взрослой женщины, которая зашивала любые раны и не морщась вправляла вывихи здоровенным охотникам. Что же ей теперь, до конца жизни сидеть тут и лечить благодарных пациентов, которые вспоминают о благодарности только после того, как их ткнёт носом кто-нибудь мужского пола? И дальше притворяться невозмутимой, всё принимающей и заботливой, какой отец учил её быть с самого детства? Как же ей всё это надоело до самого нутра!

Гребень в её руке дрогнул и с треском прошёлся по волосам, выдирая спутанные пряди без всякой жалости. Лиза подняла глаза и поймала своё отражение в зеркале: ноздри раздуты, губы сжаты в белую нитку, на скулах горят два ярких пятна, а в руке зажат гребень с застрявшими в зубьях волосами. Хороша целительница, нечего сказать, хоть саму отпаивай успокоительным. Плотина, которую она возводила месяцами, трещала по всем швам, и подпирать её с каждым днём становилось труднее. Ещё немного, и всю эту тщательно запруженную воду прорвёт наружу, прямо на глазах у пациентов, у отца, у него...

Она отложила гребень, упёрлась ладонями в столешницу и стояла так, пока пятна на скулах не погасли, а дыхание не выровнялось до привычного, спокойного ритма. В очередной раз Лиза утрамбовала все эти мысли поглубже, туда, где им и место, надела свежий передник, поправила перед зеркалом воротничок и вышла к завтраку с дежурной улыбкой на лице.

В столовой уже пахло кашей и свежим хлебом, Степан хлопотал у буфета, а за окном занимался обычный, ничем не примечательный день.

– Как спалось? – внезапно спросил Всеволод, стоило ей сесть за стол.

Лиза от неожиданности едва не выронила ложку. Вопрос был самый обыкновенный, из тех, что люди задают друг другу каждое утро, но в том-то и дело, что Всеволод таких вопросов почти не задавал. Обычно его интересовали санаторий, пациенты, запасы трав и прочие дела, а тут вдруг “как спалось”.

Она была благодарна ему за многое. Он как минимум дважды спас её жизнь, а потом и отца её вытащил. И втайне ей очень хотелось, чтобы он вот так интересовался почаще. Не целительницей Елизаветой Павловной, а просто ею.

– Лиза, всё в порядке? – Всеволод чуть наклонил голову, заметив её замешательство.

– Да, – улыбнулась она. – Хорошо спала. Спасибо.

– Ты сегодня какая-то рассеянная, – заметил он.

– Просто день такой. Показалось, что проспала, вскочила второпях. Платье вон чуть задом наперёд не надела. Бывают такие дни, – улыбнулась она.

Его улыбка в ответ стала ещё шире, и от этой улыбки щекам Лизы сделалось горячо. Ей показалось, что она покраснела до самых ушей, как гимназистка, и оставалось лишь надеяться, что со стороны это спишут на жар от самовара.

Вот ведь странность, над которой в другое время она бы первая и посмеялась. Когда они обсуждают пациентов, дозировки и процедуры, она всегда держится ровно и строго, и маска

её не даёт ни единой трещины. А стоило разговору свернуть на “как спалось”, и вся выучка полетела в тартарары.

– Я, наверное, пойду, – вдруг сказала она, поднимаясь из-за стола. Даже доедать не стала.

Ещё чуть-чуть, и она точно себя выдаст. Лучше отступить сейчас, пока щёки не заполыхали в полную силу.

– Хорошо. Только зайди сперва в лабораторию, – попросил Всеволод. Так он называл подвал, где смешивали травы, и название это ей втайне нравилось. – Я там оставил пару экспериментальных образцов. Хочу узнать, что ты скажешь. Но на людях пока не испытывай. Мало ли что я там наворотил, – чуть усмехнулся он.

– Хорошо, – ответила она, изо всех сил стараясь не улыбаться слишком широко, и вышла из столовой.

Вниз, к лаборатории, Лиза спускалась уже в рабочем настроении, и знакомый запах сушёных трав по дороге успокоил её лучше любого дыхательного упражнения. Она щёлкнула выключателем электрического светильника и посмотрела на рабочий стол.

Однако никаких склянок на нём не оказалось. Вместо них посреди столешницы стояла шкатулка тёмного дерева, с резной крышкой.

Лиза хмыкнула и подошла ближе, потому что это было по меньшей мере странно. Может быть, ингредиенты внутри, от света спрятаны?

Она открыла замочек, откинула крышку, заглянула внутрь и замерла. Пальцы её так и остались лежать на резной крышке, а пол лаборатории медленно поплыл у неё из-под ног.

Неужели он всё понял?..

Глава 5

– Ну рассказывай, – сказал я призраку после завтрака, когда Елизавета уже скрылась во дворе.

Валерьян в ответ посмотрел на меня с широченной ухмылкой. Было видно, что этот момент он растягивал сознательно и наслаждался каждой его секундой.

– Ну, она минут пять постояла над шкатулкой, прикрыв рот руками, – наконец ответил он и тут же показал, как именно: всплеснул полупрозрачными ладонями, прижал их к лицу и выпучил глаза.

Жестикулировал он при этом так, что хоть сейчас в театр на первые роли. Старый пройдоха определённо скучал по живой публике, и внук в качестве зрительного зала его вполне устраивал.

– Потом, видимо, шок с неё спал, – продолжил призрак, вернув на лицо серьёзность. – Она достала браслет. Я, кстати, ещё раз повторю, что не одобряю этот подарок, – пожурил меня Валерьян и погрозил пальцем. – Браслет этот принадлежал твоей покойной матери, между прочим. Семейная память, а ты её девицам раздариваешь. Одно из немногих, что твой предшественник не пропил.

– И то лишь потому, что я просто не знал, где он лежит. Когда узнал, было уже поздно! – зазвенел в моей голове голос Пушкина.

– Так что, раз уж не пропил, отчего бы не пустить на благое дело, – усмехнулся я. – Продолжай.

– Благое дело, – проворчал Валерьян, но уже без прежнего запала. – Порядок должен в доме быть.

Валерьян картинно вздохнул, показывая, что снимает с себя всякую ответственность за судьбу семейных реликвий, и продолжил доклад.

– Она его надела. Долго вглядывалась в эти листья из серебра, поворачивала запястье к свету и так, и эдак. А потом широко улыбнулась. Ещё минут десять, наверное, так и стояла. Я уже заскучать успел, честно говоря. А потом произошло что-то странное.

– Что именно?

– Лицо её вмиг стало серьёзным, – Валерьян нахмурился, изображая. – Она поправила рукава, скрыла под ними браслет, закрыла шкатулку и вышла. Будто ничего и не было, – пожал он плечами. – Так что вот что я тебе скажу, внучок. Маску она носит такую, что не пробьёшь. Подступиться к ней будет довольно сложно. Но об её истинной личине мы теперь знаем.

– Знаем благодаря твоим ночным наблюдениям, – хмыкнул я.

– Ну что ж поделать, работа у меня такая, – пожал плечами Валерьян с видом честного труженика.

– Не работа. Ты это от скуки делаешь, – я прищурился. – Вообще, кто-то мне тут недавно пел, что энергии у него мало и появляться он может редко.

– Всё так и есть. Так и есть, – сказал дед, сделал постное лицо и растворился в воздухе прямо посреди разговора.

Но я ему, конечно, ни капельки не поверил. На жалобы про нехватку сил у Валерьяна энергии почему-то всегда хватало, как и на ночные обходы дома с инспекцией чужих секретов.

Итак, промежуточный итог у меня на руках имелся. Браслет Лиза приняла и даже надела, а значит, наотрез мой ход она не отвергла. Дальше по плану Пушкина полагалось ждать и наблюдать, и это меня вполне устраивало.

Я поднялся в кабинет и достал два камня, оставшихся у меня после того, как было убито Тумалинское чудовище. Затем убрал их в поясную сумку и отправился в путь, к хранилищу Тенелиста. Однако не успел я и на десять шагов от поместья отойти, как меня окликнул Данила.

– Барин! Куда вы? Может, помощь нужна?

– Нет, Данила, службу неси и с места своего не уходи, я сам разберусь, – ответил я. – А кто искать будет, передавай, что к вечеру вернусь.

– Всё будет сделано, барин, – кивнул Данила, поправил ружьё на плече и вернулся на пост, хотя по его лицу было видно, что прогуляться со мной он был бы совсем не против.

У восточной опушки меня, как оказалось, уже ждали. Тишь лежала в траве, свернувшись широкими кольцами, а рядом с ней стоял Ярослав, и по его позе я сразу понял, что разговор предстоит повторный.

– Я всё же пойду с тобой, хозяин, – начал он.

– Нет, – отрезал я. – Мы это уже обсуждали утром. Сегодня я работаю с самой начинкой артефактов, и концентрация там будет запредельная. Мне хватит забот с собственной защитой, чтобы ещё и за твоей следить.

– Моя кровь...

– Твоя кровь останется при тебе вместе со всем остальным, – я положил руку ему на плечо. – Ярослав, ты мне нужен целым. За Тишь не переживай, к яме я её не подпущу, мне понадобится только её чутьё. Остаёшься за старшего по восточной стороне.

Он помолчал с полминуты, а потом неохотно кивнул. Спорить с хозяином змеиная натура ему пока не позволяла, хотя человеческая, судя по сжатым губам, уже очень хотела. Тишь подняла голову, посмотрела на Ярослава долгим взглядом и скользнула ко мне.

Идти пешком мне снова не пришлось: древний дух и в этот раз подсобил. Мох вынес меня знакомой дорогой через овраги и буреломы, высадил у кромки бывших гиблых земель и пообещал ждать зова. Дальше мы с Тишью двинулись вдвоём, и уже через четверть часа впереди показалась знакомая лужайка, под которой ждал своего часа замаскированный тайник.

Первым делом я окружил себя плотным энергетическим щитом, чтобы чужая магия не воздействовала на меня самого. И только после этого я опустил на корточки и коснулся земли рукой.

Корневая решётка послушно разошлась, дёрн свернулся в стороны, и тайник отворился передо мной так же охотно, как вчера закрывался. Я посветил кристаллом и посмотрел вглубь ямы.

А в следующую секунду криво усмехнулся, потому что внутри было совершенно пусто!

Утоптанное земляное дно, вмятины на местах, где ещё вчера лежали три накопителя, и ни следа самой начинки. Каким-то невероятным образом Тенелист смог забрать своё, причём забрать из ямы, которую я лично запечатал корнями и спрятал под дёрном. Моя маскировка стояла нетронутой до последней травинки, а добро из-под неё исчезло.

Я спустился на дно и осмотрел всё как следует. Корневая решётка над моей головой была цела, стенки ямы никто не подкапывал, и свежих ходов под землёй моё чутьё тоже не находило. Выходило, что накопители покинули тайник каким-то способом, о котором я даже не догадывался, и вот это нравилось мне куда меньше самой пропажи. Противника, чьи приёмы ты знаешь, можно просчитать. А тут в моём списке чужих возможностей появилась строка со знаком вопроса.

Злиться на себя я не стал, хотя повод имелся знатный. Вместо этого я мысленно отметил, что противник по части скрытности всё ещё даёт мне фору. Затем выбрался наружу и повернулся к Тиши. Василиск держался в стороне и внимательно следил за каждым моим движением.

– Можешь найти? – я наклонился к ней и указал на пустую яму. – Не думаю, что он смог унести их далеко.

Тишь приподнялась на кольцах, попробовала воздух раздвоенным языком, потом опустила голову к самой земле и принялась. Секунду она стояла неподвижно, а затем начала виться кругами вокруг ямы туда-сюда, расширяя петли с каждым заходом. На третьем круге её

тело вытянулось в струну, голова указала на северо-восток, и Тишь заскользила через молодую траву так быстро, что мне пришлось перейти на бег.

Я поспешил за ней, и Тишь, которая вырвалась вперёд, принялась передавать мне череду образов, что видела перед собой. Вот лиса замерла у норы, провожая нас настороженным взглядом. Вот дикий кабан ломится через малинник по своим делам. Вот заяц прижался к земле под кустом, слившись с прошлогодней листвой.

Тишь всю эту живность попросту не замечала, хотя в другой день непременно свернула бы поохотиться. След вёл её вперёд, и она не отклонялась ни на шаг.

Однако сперва запах вывел нас вовсе не туда, куда я рассчитывал.

Тишь остановилась у поваленной ели, обвитой старым плющом, и требовательно зашипела. Я подошёл ближе, присел и раздвинул плети. Под выворотнем, в нише между корней, обнаружился ещё один тайник, куда более мелкий, чем вчерашний. Узкий лаз, обложенный камнем, уходил под ель на пару аршин, и на входе тускло мерцала печать.

Точнее, мерцало там то, что от печати осталось. Вязка была надломлена, узлы её висели вкривь и вкось, и держалась вся конструкция на честном слове. Заклинатель тут не потребовался бы и деревенский. Я протянул руку и вложил в печать немного своей магии, самую малость, ровно столько, чтобы перегрузить издыхающие узлы. От банального перенапряжения печать хрустнула и осыпалась серой трухой. Ничего сложного в этом не оказалось, работа была сломана задолго до меня, и я лишь дождал то, что уже умирало.

Внутри, в глубине каменного лаза, лежала одна установка. Пахло от неё знакомой могильной стылостью, и трава у лаза стояла седая.

Вот на ней я и решил опробовать тот способ, который собирался испытать на большом тайнике. Обстоятельства даже сыграли мне на руку: один накопитель для проверки куда безопаснее трёх.

Я спустился в лаз, насколько позволяла ниша, достал из сумки один из зелёных камней и осторожно положил его рядом с установкой, на расстоянии ладони. А дальше мне оставалось только отступить и смотреть.

Камень отозвался на такое соседство почти мгновенно. По его зелёной глубине пробежала искра, потом вторая, и мутная сердцевина накопителя дрогнула, будто её потянули изнутри крюком.

Серый дым в ней закрутился воронкой, устремился к ближайшей стенке и потёк сквозь вязку тонкой струйкой, которую камень вбирал в себя жадно и без остатка. Могильная стылость вокруг меня таяла с каждой секундой. Прошло от силы минуты три, и сердцевина накопителя опустела, посветлела и стала похожа на обычное мутное стекло.

Камень же в моих глазах словно потяжелел, зелень его сделалась гуще и темнее. Снаружи что-то зашуршало, и я оглянулся: Тишь пересекла свою невидимую черту и подобралась к самому выворотню, чего с ней у тайников ещё не случалось. Дурного она больше не чуяла, и лучшего подтверждения моей работе было не найти.

Так вот, значит, как эта штука работает.

– По тому же принципу, – проговорил я вслух, осторожно забирая камень обратно. – Чудовище ведь тоже вырывало силу из всего живого, до чего могло дотянуться. Всё то же самое, только механизм более древний. Существо бессмертное, люди бессмертные... Все хотят бессмертия. И все хотят его за счёт других.

Тишь снаружи вопросительно шевельнулась, приняв мои рассуждения на свой счёт. Я успокоил её жестом и ещё раз проверил накопитель собственным чутьём, прощупав сердцевину до самого дна. Энергии там не осталось совсем.

Дальше дело пошло куда быстрее и веселее. Тишь взяла новый след и повела меня на северо-восток, туда, где мои земли упирались в границу Поволжской аномалии.

Кладку Тишь нашла у самой этой межи, в сотне шагов от места, где мои деревья уступали место чужим. Никакой ямы или лаза тут уже не было. Три установки лежали под наспех наваленным лапником, присыпанные землёй кое-как, словно их прятали в страшной спешке, оглядываясь через плечо. По мху от опушки тянулись глубокие борозды, будто груз последнюю сотню шагов уже волокли по земле, и примятые следы вдоль борозд ещё не успели подняться.

Оставили эту кладку совсем недавно. И по всему выходило, что Тенелист спешил. Похоже, он до сих пор не оправился от той битвы, раз уж таскал своё добро и бросил его, не дотаскив до аномалии. Видимо, он почуял нас с Тишью на подходе, и ему пришлось выбирать: вступать в бой со мной прямо сейчас, слабым, либо оставить накопители и уйти. Он предпочёл оставить добро и обратиться восвояси.

Хотя почему бы ему не переместиться вместе с ними? Возможно, есть ограничение – этого мне точно не узнать.

Разумного в этом выборе было больше, чем мне бы хотелось. Загнанный противник, который умеет отступать и резать убытки, опаснее противника гордого. В моей прошлой жизни самые тяжёлые войны за рынок мне устраивали именно такие: те, кто без сожалений бросал убыточное и возвращался позже с новыми силами.

С помощью камней я разрядил все три установки, одну за другой, действуя уже отработанным порядком. Опустошённые артефакты я оставил лежать там же, под лапником, ровно в том виде, в каком их бросил хозяин. Пусть Тенелист вернётся за ними, если пожелает, и полюбуется, во что превратились его многолетние сбережения. В моём прошлом мире это называлось арестом счетов, и на некоторых должников такая картина действовала сильнее любых угроз.

Больше тайников на этих землях Тишь не нашла, хотя мы с ней добросовестно прочесали всю полосу вдоль границы туда и обратно. След Тенелиста обрывался у самой аномалии, и соваться за ним в чужой непредсказуемый лес я не собирался. Тем более, зная его методы, он мог быть уже далеко отсюда.

Обратная дорога вышла тихой, на спине у Мха, и в этой тишине мне впервые как следует подумалось о том, что именно лежит у меня в поясной сумке.

Эти камни ведь могут выпить силу из любого. Из накопителя, из зверя, из дерева, из человека. Страшное оружие, если подумать, и оно болталось у меня на поясе, завёрнутое в тряпицу. Прикасаюсь к ним лишний раз больше даже не хотелось, и всю дорогу я старался о них не думать.

Получалось у меня, прямо скажем, из рук вон плохо. Мысли сами сворачивали к сумке. Ведь и силу нечеловеческую могут они дать своему обладателю. Всю ту силу, что вобрали сегодня, и всю, что смогут вобрать потом. Годы чужих жизней, спрессованные в зелёную глубину, лежали у меня под рукой, и что, если взять из них хотя бы самую малость...

Ладонь моя уже лежала на сумке, и сквозь тряпицу я чувствовал ровное, приветливое тепло. Камни тянулись мне навстречу, и в этом всё разворачивалось что-то похожее на обещание. Назвать это голосом язык бы не повернулся. Скорее то была уверенность, будто чужая мысль притворялась моей собственной. Уверенность нашёптывала, что бояться организации больше не придётся, как не придётся бояться ни Тенелиста, ни его безымянных хозяев. Что можно будет пить чужое и не стареть, копить и не отдавать, жить столько, сколько самому захочется, и рука моя уже сама тянулась развернуть тряпицу...

На этом месте я оборвал себя усилием воли.

Руку от сумки я отдернул так резко, что Тишь рядом вскинула голову. Это было уже какое-то самое настоящее наваждение. Вот, значит, каким образом берёт свою добычу эта зараза. Приказов и грубой силы ей вовсе не требуется, у неё в ходу сделка: ласково стелет, услужливо подсказывает и хочет при этом одного: чтобы её подчинили. Точнее, чтобы человек думал, будто подчинил её, а вышло бы в итоге ровно наоборот.

– Не выйдет, – сказал я камням вслух, и собственный голос помог мне окончательно вытряхнуть из головы наваждение. – Я в этом мире уже видел, что бывает с теми, кто живёт за чужой счёт. Наниматься к вам в обладатели не стану.

Остаток пути я держал руки подальше от сумки, а дома первым делом собирался запечатать эту парочку в самый глухой ларец, какой найдётся, да ещё и корнями его оплести. Соблазнительно всё это звучало, спорить не стану. Но у всякой сделки есть цена, а её эти “зелёные торговцы” предусмотрительно не озвучили. В моей практике такие договоры лучше всего было не подписывать вовсе.

Вместе с Тишью мы вернулись в поместье уже под вечер. В парке у санатория, среди подстриженных кустов, я заметил знакомую фигуру и свернул с дорожки. Потому что увидел, как Ярина занимается там растениями вместе с Ярославом. Похоже, они выращивали новые кустарники.

– Видел следы Тенелиста, – сказал я без предисловий. – Но он снова ускользнул. Пытался забрать свои артефакты, но не успел, бросил у самой границы. Видимо, он ещё слаб после той битвы.

Потом я подробно рассказал про свои сегодняшние приключения в лесу.

– Жаль, что нельзя точно узнать, куда он пошёл, – в голосе Ярины было столько злости, что воздух между нами, казалось, потрескивал. – Я бы его добила!

– Точно не узнать, – ответил я. – Он скрылся где-то в Поволжской аномалии. А тот лес ещё более непредсказуем, чем мой.

– Поняла, – кивнула она, и по тому, как медленно разжались её пальцы на прутьях ограды, я оценил, чего ей стоило это короткое слово. – Но если он сунется обратно через границу, я узнаю об этом первой. Уж это я тебе обещаю.

– На это и рассчитываю, – ответил я, понимая, что она сегодня же подготовит своих фамильяров для разведки.

И мы разошлись каждый по своим делам.

Тишь тем временем углядела Ярослава. Добравшись до него, она привычно обвила его шею и обмякла, свесив голову ему на плечо. Я невольно подумал, что надеюсь на её благоразумие: не хватало ещё, чтобы она его так же во сне задушила, по-родственному.

Напоследок я решил зайти в санаторий и проверить, как там пациенты. И, конечно, прямо в коридоре сразу наткнулся на Лизу. Я улыбнулся ей, но её лицо осталось холодным, ровным и до странного официальным.

– Всеволод. Я оценила твой подарок. Но, пожалуйста, больше не делай таких даров. Спасибо, – быстро выпалила она и скрылась по коридору раньше, чем отзвучало последнее слово.

Я даже ответить не успел, так и остался стоять посреди коридора с недосказанным “добрый вечер” на языке. Успел я только заметить, как на ходу она одёрнула рукав платья, тем самым коротким движением, каким прячут то, что носят. Из-под манжеты на долю секунды блеснуло серебро.

– Вот это женщина! Вот это напор! – отозвался в моей голове Пушок, и в голосе его звучало чистейшее восхищение. – Она мне нравится всё больше и больше. Ведь сначала казалась такой неприметной! И тут, оказывается, у неё есть свои тайны и характер!

– Пушок, ты на неё глаз, что ли, положил? – мысленно спросил я.

– Ну положил, и что? Тебе какая разница, я белка!

– Тоже верно, – хмыкнул я мысленно. – В общем, не сработал твой способ.

– Почему это не сработал? Сработал, – возмутился Пушок. – Ты видишь, как она старается делать вид, что ей всё равно? Даже подбородок задрала, когда уходила. С гордо поднятым подбородком, заметь, а не с опущенными глазами.

– Вижу. Только это совсем не укладывается в мою картину мира.

– А в мою укладывается, – со знанием дела заявил Пушок. – Разница сословий. Ты дворянин, барон, а она просто дочь разорившегося целителя-дворянина, у которого... Да я уже и не помню, есть у него титул или нет, неважно. Она считает, что недостойна тебя.

– Тогда бы она вернула подарок, – возразил я. – И шла бы с сожалением, а не с гордостью, ты сам себе противоречишь, Пушок!

– Блин! Тогда я тоже запутался! – белка сдалась и снова спряталась у меня за воротником.

Ну и парадокс. Браслет приняла и надела, улыбалась ему в одиночестве десять минут кряду, а мне в лицо отчеканила “больше не делай таких даров”. И мне, честно говоря, даже стало интересно в этом разобраться. Прямо как в очередном сложном пациенте, у которого симптомы противоречат друг другу.

– Всеволод Сергеевич!

Открылась одна из дверей, и меня позвали. Это был Павел Демьянович, и выглядел он озадаченным сверх всякой меры.

– Можно вас на минуточку? – он оглянулся на дверь за своей спиной и понизил голос до полупрошепота. – Я тут третий час хожу и проверяю, прежде чем к вам идти. Думал, показалось. Потом думал, часы мои шалют, так я их по корпусным сверил, и по настенным в приёмной тоже. Не шалют. Я, конечно, понимаю, что санаторий у нас живой. Но не до такой же степени!

– О чём речь? – со всей серьёзностью спросил я.

– Кажется, в одной из палат время течёт быстрее.